

HARLEQUIN®

Правила игры просты:
без имен, без обязательств, без эмоций —
ПРОСТО СЕКС.

Erotic Romance

Меган Харт

NEW YORK TIMES & USA TODAY BESTSELLING AUTHOR

Грязная любовь

В этой книге много секса,
провокационных и откровенных сцен.

В то же время роман отличается эмоциональностью
и глубиной, которые делают чтение незабываемым...

www.amazon.com

Меган Харт

Грязная любовь

«Центрполиграф»

Харт М.

Грязная любовь / М. Харт — «Центрполиграф»,

Элли встретила его в кондитерской. Это была не простая кондитерская, а магазинчик из тех, куда вы пошли бы купить дорожную коробку конфет для жены шефа, если хотели бы загладить вину перед ней за то, что спали с ее мужем. В подобные авантюры Элли иногда пускалась. Ей нравилось вызывать желание у мужчин. Она испытывала острое чувство удовольствия: как же здорово понимать, видеть, что тебя хотят! А дальше просто секс — без эмоций, без любви, без обязательств. Только секс, и ничего больше. Но с новым знакомым Дэном все оказалось не так, как с другими...

© Харт М.

© Центрполиграф

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	36
Глава 5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Меган Харт

Грязная любовь

Глава 1

Вот так все и произошло.

Я повстречала его в кондитерской. Он улыбнулся мне. Я была удивлена настолько, что улыбнулась в ответ.

Это была не простая кондитерская, где обычно покупают сладости для детей. Это был дорожный магазин для гурманов, «Сладкий рай». Никаких вам дешевых леденцов на палочке или беленьких шоколадных поцелуйчиков. Нет. Это было место, где вы покупаете дорогие импортные трюфели для жены вашего босса, потому что чувствуете свою вину за то, что переспали с ним, когда были вместе на конференции в Милуоки.

Незнакомец покупал драже – сплошь черные. Он посмотрел на сумку в моей руке, на шоколад в глазури под цвет сумки.

– Вы должны знать, что говорят про зеленые драже. – Он пытался покорить меня распутной улыбкой, но я устояла.

– День святого Патрика?¹ – Именно по этой причине я их и покупала.

Он покачал головой:

– Нет. Зеленые драже превращают мужчину в похотливого жеребца.

Ко мне постоянно клеились мужчины, большинство из них не имели представления, что значит тонкость чувств. То, что болтается у них между ног, по их мнению, с лихвой возмещает то, чего недоставало в их черепушке. Иногда я все же позволяла одному из таких субъектов проводить себя домой по одной лишь причине: приятно было сознавать, что тебя хотят и что ты сама не прочь, даже если чаще всего приходилось разочаровываться.

– Это городская легенда, состряпанная ребятами-подростками, у которых играет гормон и которым больше ничего не надо.

Его губы изогнулись чуть больше. Улыбка была лучшим его достоянием – сияющая, на ничем в общем-то не примечательном лице. У него были волосы цвета намоченного песка и зеленовато-голубые глаза с поволокой. Очень мило по отдельности, а вместе с улыбкой так вообще неотразимо.

– Весьма удачный ответ, – сказал он и протянул руку.

Когда я протянула свою, он притянул меня ближе – медленно, осторожно, – пока не смог склониться надо мной и прошептать в ухо:

– Как насчет лакричной конфетки?

Его горячее дыхание защекотало мне кожу.

Я любила и люблю лакричные конфеты. Он увлек меня за угол прилавка, где стояла корзиночка, полная маленьких черных прямоугольников, – с этикетки на меня смотрело кенгуру.

– Попробуй эти. – Он поднес один из прямоугольников к моим губам, и я открыла рот, невзирая на надпись «Не пробовать!». – Они из Австралии.

Лакрица таяла на языке – мягкая, ароматная, липкая, что заставило меня провести языком по зубам. В том месте, где моих губ касались пальцы незнакомца, я чувствовала его вкус. Он улыбнулся.

---

¹ День святого Патрика отмечается 17 марта в память святого Патрика в Ирландии, Северной Ирландии и в канадской провинции Ньюфаундленд и Лабрадор как государственный праздник; также отмечается во многих других странах. В этот день принято носить одежду зеленого цвета.

– Я знаю одно местечко, – сказал он, и я позволила ему себя увлечь.

* * *

Паб назывался «Закланный ягненок» – жутковатое название для уютенького заведения, впрочем мало чем напоминающего своих британских собратьев. Он притулился на улочке, в центре деловой активности Гаррисберга. В сравнении с модными танцевальными клубами и шикарными ресторанами, оживляющими район, «Ягненок» казался иноземцем, чем, возможно, и пленил меня.

Он сел у бара, подальше от студентов колледжа, распевających в углу песни под караоке. Ножки стульев шатались, и мне пришлось уцепиться за стойку бара. Я заказала «Маргариту».

– Нет. – Он качнул головой. Я подняла в ответ бровь. – Ты хочешь виски.

– Я никогда не пила виски.

– Девственница.

Скажи это другой мужчина – я сочла бы, что он заискивает, округлила глаза и машинально подумала бы: «Только не с члеником Джеймса Дина».

В его случае – работало.

– Девственница, – согласилась я. Слово показалось мне чужим, словно в первый раз его услышала.

Он заказал для нас обоих по стаканчику ирландского виски «Джемесон». И поступил со своей выпивкой так, как следует поступать со стаканчиком виски, – выпил одним глотком. Я не противница алкоголя, пусть никогда и не пробовала виски, а потому не морщась последовала его примеру. Да, виски не без причины называют «огненной водой», но после начального жжения его вкус растекся по языку, напоминая запах горящих листьев. Мне стало тепло, уютно. Откуда-то даже повеяло романтикой.

Взгляд моего спутника просветлел.

– Мне понравилось, как ты с ним обошлась.

Я тут же безумно возбудилась.

– Еще? – предложил бармен.

– Еще, – кивнул мой спутник. – Неплохо, – это уже ко мне.

Я чуть подтаяла от комплимента, и непонятно почему, но мне стало крайне важно проинформировать на него впечатление.

Мы пропустили еще по несколько стаканчиков, и виски ударило мне в голову сильнее, чем я думала. А может, дело было в моем спутнике. Так или иначе, голова у меня кружилась, и я стала хихикать над его слегка колкими, но смешными замечаниями о посетителях.

Женщина в деловом костюме, что сидела в углу, – в свободное время девочка по вызову. Мужчина в кожаном пиджаке – гробовщик. Он сочинял про каждого, кто нас окружал, включая добродушного бармена, которого охарактеризовал «мармулька-фермер на пенсии».

– Мармульки-мармеладки делаются не на ферме. – Я наклонилась к нему и коснулась галстука. На первый взгляд в узор его галстука не было ничего особенного – точки и крестики, которые изображают на сотнях других мужских галстуков. При ближайшем же рассмотрении оказалось, что точки и крестики были крошечными черепами и скрещенными костями.

– Нет? – Он, казалось, был разочарован тем, что я ему не подыграла.

– Нет. – Я дернула его за галстук и заглянула в сине-зеленые глаза, которые вместе с улыбкой преобразили его лицо. – Мармульки-мармеладки – дички. Их собирают только на воле.

Он захохотал, запрокинув голову. Я позавидовала тому, как легко и непринужденно он поддался желанию рассмеяться. Я бы не решилась на такое из боязни, что на меня уставятся окружающие.

– А ты?... – наконец сказал он. Его взгляд пригвоздил меня к месту. – Кто ты?

– Браконьер – собиратель мармулек, – прошептала я онемевшими от виски губами.

Он поднял руку и легонько дернул меня за прядь волос, выбившуюся из моей длинной французской косы.

– Но ты не кажешься такой уж опасной.

Мы посмотрели друг на друга – два незнакомца, и улыбнулись одной улыбкой на двоих. Я подумала, как давно этого не делала.

– Не хочешь проводить меня до дома?

Он захотел.

Он не занялся со мной любовью в ту ночь. Я удивилась, когда он даже не захотел меня трахнуть. Он даже меня не поцеловал, хотя я медлила, открывая дверь, смеясь и болтая, прежде чем пожелать ему спокойной ночи.

Он не спросил, как меня зовут. Не попросил даже телефончика. Просто оставил меня, покачивающуюся от виски, на пороге дома. Я смотрела, как он идет по улице, позвякивая в кармане мелочью. Я зашла, когда его поглотила темнота между двумя уличными фонарями.

Я думала о нем, стоя под душем на следующий день, смывая запах дыма с волос. Я думала о нем, когда брила ноги, подмышки, темные выющиеся волосы между ног. Когда чистила зубы, я взглянула на свое отражение в зеркале и попыталась представить, что он увидел, заглянув в мои глаза.

Голубые, с белыми и золотистыми крапинками, заметными при ближайшем рассмотрении, за которые мне отвечивали комплименты многие мужчины. Возможно, говорить женщине, что у нее красивые глаза, – самый действенный способ узнать, насколько им позволено продвинуться дальше, например положить руку на бедро. Он ничего про них не сказал. Вообще-то он не отвесил мне ни одного комплимента, не считая того, как я пью виски.

Мои мысли крутились вокруг него, когда я собиралась на работу. Простенькие белые трусики – удобные в ношении, приятные на ощупь. Под цвет им лифчик, намек на кружева, достаточный, чтобы приукрасить его, но главным образом направленный на то, чтобы поддерживать грудь, а не привлекать к ней внимание. Черная юбка чуть выше колен. Белая блузка с пуговицами. Черный и белый – чтобы, как всегда, сузить выбор, а еще потому, что строгая простота сочетания черного и белого меня успокаивает.

Я думала о нем в поездке на работу. Наушники – щит современности – помогали дистанцироваться от разговоров других людей. Поездка длилась как обычно – отняла времени ни больше ни меньше. Я, как обычно, считала остановки и улыбнулась водителю той же самой улыбкой.

– Доброго вам дня, мисс Каванаг.

– Спасибо, Билл.

Я поднималась по бетонным ступенькам к месту своей работы и думала про незнакомца. В дверь здания я вошла ровно за пять минут до того, как мне надлежало быть на месте.

– Что-то поздновато сегодня, – обронил охранник Харви Виллард. – Задержались на целую минуту.

– Вيني автобус, – сообщила я ему с ухмылкой, зная, что он непременно покраснеет, хотя вина лежала вовсе не на Билле, а на мне самой – шла медленнее, чем обычно.

Я поднялась на лифте, прошла коридор, вошла в дверь, направилась к своему столу. Все было по-прежнему, но вместе с тем как будто иначе. Даже колонки цифр передо мной не могли отвлечь мои мысли от загадки, которую задал мне вчерашний компаньон.

Я не знала его имени. Не сказала ему свое. Я-то думала, что все будет просто – двое встретились и удовлетворили каждый свою, но общую для обоих потребность. Неоригинальное, легонькое такое ухаживание – такое, для которого знать имена друг друга – уже излишество.

Я стараюсь не раскрывать мужчинам свое имя. Таким образом лишала их подобия власти надо мной, которое они не заслуживали, выдыхая мое имя, толчками углубляясь в меня или содрогаясь всем телом. Тогда мое имя словно цементировало тот момент времени и места, где случались эти встречи. Если же они все-таки настаивали, я говорила вымышленное имя, и, когда они начинали выкрикивать его охрипшими от приближавшегося оргазма голосами, у меня это неизменно вызывало улыбку.

Сегодня я не улыбалась. Я пребывала в каком-то разобранном виде, слегка на взводе, рассеянна, словно с меня спали волшебные чары. Хотя еще никогда не случалось так, чтобы я подпала под чьи-либо чары.

Я обдумывала возникшую проблему методично, словно решала в уме математическую задачу: привести уравнение к определенному виду, упростить его, взаимно уничтожив члены с противоположными знаками, но это конкретное уравнение мне не поддавалось даже к обеденному перерыву.

– Что, горячая ночка? – спросила Марси Питерс, приверженка высоких причесок и коротких юбок. Марси одна из тех женщин, которые никак не избавятся от привычки считать себя девочками, из тех, что носят белые туфли-лодочки, обтягивающие джинсы и блузки с откровенными вырезами.

Она налила себе еще чашку кофе. Я взяла себе чай. Мы сидели за маленьким обеденным столом, разворачивая наши сэндвичи, доставляемые из кулинарии: ее с тунцом, мой – как всегда – с индейкой.

– Как обычно, – констатировала я, и мы засмеялись – две женщины, связанные не общностью интересов или характеров, а объединившиеся ради того, чтобы легче было отражать атаки акул, с которыми нам приходилось работать.

Марси отгоняла этих хищников нагло, открыто выставляя свою женственность напоказ, не оставляя места воображению. Подавая себя как женщину уверенную в своей женской силе, интригующую, перед которой невозможно устоять. Она блондинка, с впечатляющим бюстом и добивается того, чего хочет, прибегая исключительно к тому, чем наградила ее природа.

Я же предпочитаю действовать более тонко.

Марси засмеялась, услышав мой ответ, потому что Элли Каванаг, которую она знает, не ходит на свидания ни с классными парнями, ни вообще с какими-либо. Элли Каванаг из ее окружения занимает должность младшего вице-президента бухгалтерского отдела и финансов и представляет в одном лице образы училки в очках с пучком волос и леди Годивы.

Марси ни черта не знает о жизни Элли за пределами стен «Трипл Смит и Браун».

– Слышала новости про счет Флинна? – Таково представление Марси о беседе во время обеда: сплетни о других сослуживцах.

– Нет, – сказала я, чтобы ее поощрить, а также потому, что ей всегда удавалось узнавать наиболее любопытные из них.

– Секретарша мистера Флинна послала не те файлы Бобу. Это ведь он ведет его счета?

– Ну да.

В глазах Марси заплескалось веселье.

– Похоже, она отправила ему по электронке личный расходный счет мистера Флинна, а не корпоративный.

– Надо быть внимательнее.

– Судя по всему, мистер Флинн ведет учет каждой стодолларовой проститутке, которую он снимает на улице, и каждой купленной контрабандной сигарете. – Она поерзала на стуле.

– Секретарше мистера Флинна лучше быть готовой к плохим новостям.

Марси хмыкнула:

– Он не сказал мистеру Флинну. Она сосет его дружка в свободное от работы время.

– Боб Хувер? – Это стало для меня неожиданностью.

– Ага. Веришь в это?

– Думаю, я могу поверить всему, о чем бы ни сказали, – честно ответила я. – Большинство людей гораздо менее разборчивы в выборе сексуального партнера, чем ты думаешь.

– Да? – Она бросила на меня заинтересованный взгляд. – А ты знаешь об этом потому, что...

– Исключительно мои соображения. – Я отодвинула стул и выкинула мусор.

По Марси нельзя было сказать, что она разочарована. Скорее заинтригована.

– Хмм.

Я мягко и мило ей улыбнулась, оставив ее одну размышлять о том, что представляет собой моя загадочная сексуальная жизнь.

Это факт: люди совсем неразборчивы в том, с кем им переспать, но кто в этом признается? Внешность, ум, чувство юмора, состояние, власть – это есть далеко не у всех. Мало даже таких, кто обладал хотя бы парой этих качеств. Но это правда. Некрасивые, толстые, глупые люди тоже трахаются – просто пресса предпочитает писать о любовниках-кинозвездах, а не обывателях. Мужчин не обязательно зомбировать видом своих сисек, чтобы дать им понять, что вы тоже не прочь. Даже зажатых девиц, вроде тех же училок и библиотекарей, хоть разок да тискают, прижав их к кирпичной стене, оставляющей кровавые царапины на их спинах со спущенными до щиколоток трусами.

Знаю по собственному опыту – сама была такой три года назад. Правда, с тех пор я не искала таких встреч. Да и в «Сладкий рай» зашла лишь потому, что мне невыносимо захотелось шоколада. Хотя тогда спрашивается: почему я с ним пошла, когда он меня позвал? Почему спросила, не проводит ли он меня до дома, и жутко расстроилась, когда он оставил меня на пороге и ушел, махнув на прощание рукой?

То, что я никого в тот день не искала, только усиливало мою агонию. Если бы мы встретились в баре, а не в кондитерской, если бы у меня волосы были распущены по плечам, блузка расстегнута, стал бы он напрашиваться ко мне в гости? Овладел бы мною? Поцеловал бы на веранде, обхватив мою талию руками и крепко прижимая меня к себе?

Теперь я этого никогда не узнаю.

Он присутствовал в моих мыслях день, второй, физическое желание, которое он возбуждал во мне, все росло и росло, и я ничего не могла с этим поделать. Я думала о нем, когда бодрствовала, а ночью он проникал в мои сны, от которых я просыпалась в поту на скомканной простыне.

Я раз за разом вглядывалась в отражение своего лица в зеркале, пытаюсь понять, что он прочел в нем в тот день, что побудило его пригласить меня в паб, но не в постель. Может, я допустила ошибку? Что-то не то сказала, обнаружила какой-то недостаток, слишком громко смеялась в ответ на его юмор или недостаточно быстро реагировала?

Я знала, что начинаю заикливаться. Мысленно представляла то, что произошло, поворачивала то так, то этак, пытаюсь рассмотреть все под разным углом зрения. Анализировала, думала, оценивала. И не могла забыть его запах, когда он наклонился ко мне и прошептал на ухо: «Как насчет лакричной конфетки?» Не могла забыть тепло его руки на моей, когда он отметил комплиментом то, как я расправилась с тем первым стаканчиком виски.

Я не могла выкинуть из головы то, как вспыхивали его сине-зеленые глаза, маленькую ямочку на его подбородке, крошечные веснушки на переносице и на лбу, его тягучий, как мед, голос и смех, заставлявшие меня желать прижаться к нему и потереться о него, как кошке, мурлыча при этом.

В последний раз, когда я знакоилась с мужчиной в баре и позволяла ему проводить себя до дома, он блеванул на мою юбку и оросил мое лицо слезами, от которых шел запах пива. Затем он прошелся по мне словесным поносом и потребовал, чтобы я вернула ему деньги за напитки, которые он мне купил. Нечто подобное со мной уже случалось. Парни, которые не

ладили со своими пенисами, мужчины постарше, считавшие, что двух секунд поглаживания в качестве прелюдии достаточно, симпатичные на лицо ребята, превращавшиеся в недоделанных грубиянов, как только дверь за ними закрывалась.

Самым лучшим вариантом стало воздержание – своеобразный вызов, который я бросила себе и который постепенно превратился в привычку. До встречи с ним в «Сладком рае» у меня не было мужчин три года, два месяца, неделя и три дня. И вот тогда мне не стало покоя от мыслей об этом незнакомце, чьего имени я даже не знала, и желания секса. Каждый встреченный на улице мужчина мог поймать мой взгляд, и мое влагалище сжималось, словно пальцы, обхватывающие бутон. Соски чесались от постоянного трения с лифчиком. Трусики бесконечно натирали клитор, вызывая желание гладить эту маленькую пимпочку снова и снова, и не важно, когда и где я находилась.

Я сгорала от желания.

В моих встречах с мужчинами никакой любовью не пахло. Их цель была либо заполнить пустоту внутри, либо развеять хандру, если я – пусть даже такое случалось редко – не могла справиться с ней сама. Я шлялась по барам, вечеринкам, паркам в поисках мужчин, которые могли составить мне компанию на несколько часов и помочь от всего отключиться. Секс стал выбором, который я сделала, чтобы облегчить боль внутри. Я знала, почему так жила. Знала, почему внешне выглядела как училка, а поступала как шлюха.

До недавнего времени это не имело значения. Я встречалась с мужчинами, которые могли меня рассмешить, заставляли вздыхать, и лишь единицы доводили меня до оргазма. До недавнего времени на моем пути еще не встречался мужчина, мысли о котором не покидали бы меня ни на секунду.

Я пребывала в таком состоянии две недели, но на моей концентрации оно не сказалось, правда скорее в силу привычки, а не благодаря сознательному волевому усилию. Работа не страдала лишь потому, что я всегда ладил с цифрами. Зато страдало все остальное. Я забыла отправить счета по почте, взять одежду из чистки, забыла ставить будильник.

Весенние дни все еще быстро сменялись ночами, иногда уже становилось темно, когда я возвращалась домой с работы в автобусе. Я сидела скрестив ноги на своем привычном месте в конце салона, кейс и аккуратно сложенное пальто лежали на моих коленях. Я смотрела в окно и представляла его лицо, воскрешая в памяти запах его дыхания. Автобус шумел, и, пользуясь этим, я стала себя возбуждать.

Сначала, в унисон глухим ударам колес об асфальт, возникло слабое напряжение в мышцах таза. Моя киска набухла. Клитор превратился в маленький твердый узелок, раздраженный узкой полоской мягких трусиков. Бедра, скрытые пальто и кейсом, сотрясались на пластиковом сиденье. Никто, глядя на меня в эту минуту, на мои чинно сложенные на коленях руки, не догадался бы о том, чем я занимаюсь.

Серебристые полосы света уличных фонарей стремительно перемещались с моих колен по телу, оставляя позади себя темноту, через минуту озарявшуюся новой полоской света. Я стала синхронизировать свои движения с лучами света.

В животе возникло приятное напряжение. Я задерживала дыхание, со свистом выдыхая воздух через полураскрытые губы, когда начинали гореть легкие. Я смотрела в окно, но ничего не видела за ним, кроме возникающего и пропадающего в стекле отражения своего лица, и представляла, что он смотрит на меня.

Я впила пальцами в кожаный кейс на коленях. Мои ступни двигались вверх-вниз, вверх-вниз, прижимая бедра друг к другу, слегка, но методично натирая клитор. Мне ужасно хотелось себя коснуться, круговыми движениями пальцев погладить твердый бутончик, засунуть пальцы внутрь и ласкать себя, пока ехал автобус, но я удержалась. Я двигала ногами и сжимала бедра и с каждым новым фонарем была все ближе к оргазму.

Мое тело, вынужденное сидеть ровно, дрожало от желания извиваться. Я никогда прежде этим не занималась – этот скрытый от посторонних глаз танец, приближавший меня к экстазу. До этого я мастурбировала дома одна, в ванной или в постели, и тогда все мои действия были направлены только на одно – избавиться от сексуального напряжения. Здесь, сейчас я занималась этим почти против воли. Мысли о нем, покачивания автобуса, мое сексуальное воздержание – все это и привело к тому, что мое тело горело огнем, который мог потушить только оргазм.

Пот струился у меня по спине, стекал между ягодиц. Он слегка щекотал кожу, вызывая ощущения языка, меня лизавшего, стремительно приближая меня к грани, разделяющей земное и неземное удовольствие. Мое тело напряглось, и вместе с ним напряглось влагалище. Впившиеся в кожаный кейс ногти прочертили на нем тонкие полосы. Мой клитор конвульсивно дрожал, пронзая меня тысячами молний чистейшего экстаза.

Я тряслась в тишине, привлекая к себе внимание меньшее, чем если бы чихнула. Мой пресекающийся вдох превратился в кашель, на который почти никто не отреагировал. В следующую секунду меня охватила расслабленность, и, обмякнув, я привалилась к спинке сиденья.

Автобус остановился. Я сфокусировала взгляд. Моя остановка.

Я поднялась на дрожащих ногах, точно зная, что от меня исходит запах секса, как если бы от меня исходил запах духов, но никто как будто ничего и не заметил. Я вышла из автобуса в весенний туман, подняла лицо к ночному небу, позволяя каплям воды целовать меня, не заботясь о том, что волосы липнут к голове и стала влажной блузка.

Я довела себя до оргазма в общественном транспорте, видя перед глазами его лицо и не зная его имени.

К добру ли, к худу ли, но, доведя себя в автобусе до оргазма, я немного избавилась от сексуальной неудовлетворенности. Вернулась четкость мысли, колонки цифр с плюсами и минусами обрели былую ясность. Я с головой окунулась в работу, справилась с несколькими большими счетами Боба Хувера, которому сейчас было не до минетов с секретаршей мистера Флинна во время обеденного перерыва.

Я не возражала. То, что я была нагружена работой, для меня было даже хорошо – так у меня появлялся шанс подтвердить, что я не напрасно ем свой хлеб, занимая угловой офис и имея больше отпускных дней. Это означало, что мне не нужно было ломать голову над причинами, вынуждавшими меня задерживаться в офисе допоздна, и чтобы не выбирать между тем, возвращаться ли мне в пустой дом или отправиться в какой-нибудь бар у мясного рынка и испытать свою силу воли.

– Секс, – объявила Марси в комнате для обеда, – похож на этот шоколадный эклер.

Мне она принесла пончик, обсыпанный сахарной пудрой.

– С кремовой начинкой, после которой начинает подташнивать?

Она округлила глаза:

– Каким сексом, черт возьми, ты занимаешься, Элли?

– В последнее время никаким.

– Я в шоке. – Ее голос меня в этом не убедил. – Впрочем, чему удивляться при твоём поведении.

У Марси, конечно, пышные волосы и склонность к ношению одежды, подходящей для проститутки, но она меня смешила.

– Ну тогда объясни мне, в чем сходство эклера и секса.

– И то и другое вызывает невероятный соблазн, заставляющий позабыть обо всем остальном. – Она слизнула с верхушки шоколад. – Он вызывает удовлетворение и радость оттого, что ты ему все-таки уступила.

Я чуть откинулась на стуле, продолжая смотреть на нее.

– Я так понимаю, вчера ночью ты уступила этому соблазну?

Она состроила насмешливо-невинную гримасу, а я кое-что поняла. Она мне нравится. Марси взмахнула ресницами.

– Кто, такая кляча вроде меня?

– Ну да. – Я положила пончик обратно в коробку и схватила последний эклер. – И ты просто умираешь от желания поделиться со мной, как все было. Так что лучше не теряй времени и начинай делиться – а то как бы кто-нибудь не зашел, иначе придется в темпе менять тему и говорить о делах.

Марси засмеялась:

– Я просто сомневалась, понравится ли тебе то, о чем мне бы хотелось рассказать.

Я изучала ее лицо.

– Понятно. Ты считаешь, что мне не нравится заниматься сексом.

Она оторвала взгляд от своей испачканной тарелки. На губах заиграла искренняя улыбка, и какое-то выражение промелькнуло на ее лице. Я бы сказала, что-то очень похожее на жалость. Я ее не жалею, а потому нахмурилась.

– Не знаю, Элли. Я недостаточно хорошо тебя знаю, чтобы заявлять такое. Но ты иногда ведешь себя так, словно тебя, кроме работы, больше ничего особо и не занимает.

Если слышишь о себе то, о чем знаешь сама, это не должно бы шокировать, но обычно происходит все как раз наоборот. Я тут же хотела разубедить ее в этом, но из горла у меня не вырвалось ни звука, а глаза зашипало от слез. Я быстро-быстро заморгала, чтобы не позволить им скатиться по щекам. Я положила руку на живот, в котором что-то сжалось от ее слов, ибо это была правда.

Несмотря на свой внешний вид, Марси, хотя иногда и напускает на себя роль туповатой блондинки, на самом деле далеко не глупа. Она тут же подалась вперед и накрыла мою руку своей ладонью, прежде чем я успела ее отдернуть. Испугаться этого внезапного участия я также как следует не успела, так как Марси почти сразу разжала пальцы и убрала руку.

– Эй, – мягко сказала она. – У нас у всех есть веревки, за которые нас можно дернуть.

Вот он, шанс нам стать с Марси подругами, мелькнуло у меня в голове. Настоящими подругами, а не сослуживцами. В моей жизни было немало моментов, которые могли бы изменить мою жизнь, но всякий раз я уступала. Например, когда правда могла открыть для меня дверь, я закрывала ее ложью. Если улыбка означала сближение, я делала лицо непроницаемым.

В этот раз я удивила, возможно, не только Марси, но и себя.

Я улыбнулась ей:

– Ну, так как прошло вчера твое свидание?

И она рассказала. Не упустив деталей, которые едва не ввергли меня в краску. До сих пор это был самый лучший ланч.

Когда подошло время разойтись по своим офисам, Марси задержала меня, ухватив за руку.

– Мы должны с тобой куда-нибудь вместе выбраться.

Я позволила ей пожать мне руку, потому что она говорила серьезно и, кроме того, мы так хорошо провели время за обедом.

– Конечно.

– Точно? – радостно переспросила она и, бросив мою руку, быстро и импульсивно меня обняла. Я тут же напряглась. Марси похлопала меня по спине и сделала шаг назад. Если она и заметила, что ее объятие превратило меня в истукана, то не стала этого комментировать. – Чудненько.

– Чудненько, – улыбнулась я и кивнула.

Ее энтузиазм заразил и меня. К тому же века прошли с тех пор, когда у меня была подруга. Любая. Позднее, уже за рабочим столом, я поймала себя на том, что напеваю под нос.

Эйфория не длится долго даже в самых благоприятных для нее условиях. Моя пропала сразу, как только я толкнула входную дверь и, войдя в дом, увидела непрерывно мигающий огонек автоответчика.

Мне редко кто звонит домой. Спрашивают врачей, приглашают на распродажи, ошибаются номером. Кроме них еще звонит мой брат Чад и... моя мать. Цифра «четыре» вспыхнула красным светом, словно дразня меня, когда я положила почту на стол и повесила ключи на небольшой крючок у двери. Четыре сообщения за один день? Это только моя мать.

Неприятнь к матери уже стала избитым сюжетом комедиантов, но он неизменно вызывает смех аудитории. Психиатры строят свою карьеру, ставя этот диагноз. Компании, выпускающие поздравительные открытки, идут дальше, пробуждая у покупателей чувство вины из-за того, как они на самом деле относятся к своим матерям, причем настолько сильное, что те охотно расстаются с пятью долларами за кусочек бумажки с нацарапанными на ней несколькими красивыми словами, описывающими чувства, которых у них нет и в помине.

Я не отношусь к числу таких людей.

Я честно пыталась возненавидеть свою мать. Если бы мне это удалось, то, возможно, удалось бы также вычеркнуть ее из своей жизни, забыть про нее и перестать из-за нее мучиться. Но печальный факт в том, что я так и не научилась ее ненавидеть. Все, что мне удается, – это ее игнорировать.

– Элла, возьми трубку!

Голос моей матери – все равно что звуки сирены, подающей сигналы судам в тумане. Она презрительно зундит, что служит предупреждением для всех парней держаться от меня – ее разочарования – подальше. Я не могу ее ненавидеть, зато ненавижу ее голос и то, что она называет меня Элла вместо Элли.

Эллой можно назвать бродяжку, сиротку, греющуюся возле остывающих углей. Элли звучит чуть более классно, энергично. Имя, которая возьмет себе женщина, которая хочет, чтобы люди воспринимали ее всерьез. Моя мать упорно зовет меня Эллой, зная, что я впадаю от этого в бешенство.

К четвертому сообщению она перечислила все причины, по которым жить не имело смысла, если у кого-то было такое же недоразумение вместо дочери, как у нее. Что таблетки, которые прописал ей доктор для успокоения нервов, ни черта ее не успокаивают. Как неловко ей было просить свою соседку Карен Купер сходить для нее в аптеку, когда у нее есть дочь, которая может и должна о ней позаботиться, но не делает этого. Кроме дочери у нее был муж, который мог бы выполнить ее поручение, но он для нее словно не существовал.

– И не забудь!.. – Ее голос чуть ли не воплем выплеснулся из маленького микрофона, так что я даже подпрыгнула. – Ты обещала, что скоро меня навестишь!

В конце ее сообщения послышалось потрескивание, шипение, словно она выжидающе умолкла, пребывая в уверенности, что на самом деле я дома и намеренно не беру трубку, а значит, если она немного подождет, то ей представится возможность уличить меня в этом.

Я продолжала смотреть на телефон, и он неожиданно снова зазвонил. Я покорно взяла трубку. Я даже не думала оправдываться. В любом случае она болтала как заведенная минут десять, прежде чем я смогла вставить хотя бы слово.

– Я только что вернулась с работы, мама, – сказала я, когда она отвлеклась на то, чтобы зажечь сигарету, и потому в трубке наступила тишина.

Она выслушала меня и презрительно фыркнула, показывая, что думает на этот счет.

– Поздновато.

– Да, мама, поздновато. – На часах было десять минут восьмого. – С работы мне приходится возвращаться на автобусе, если ты еще не забыла.

– У тебя прекрасная машина. Почему ты не едешь?

И опять я даже не подумала о том, чтобы ответить на ее вопрос, так как она все равно не стала бы меня слушать. Верно, у меня была машина, но я предпочитала пользоваться общественным транспортом, потому что так выходило быстрее и удобнее.

– Найди себе мужа, – заявила она. Я подавила вздох и запаслась терпением. – Хотя как ты его подцепишь – ума не приложу. Мужчины не очень-то жалуют женщин умнее их. Или хотя бы тех, кто зарабатывает больше их. Или... – она выдержала многозначительную паузу, – кто не следит за своей внешностью.

– Мама, я слежу за собой. – Я имела в виду финансовые средства. Она – салоны СПА и маникюра.

– Элла... – Ее вздох прозвучал в трубке даже громче, чем если бы она стояла рядом. – Ты могла бы быть такой хорошенькой...

Я взглянула на себя в зеркало, в котором отражалась женщина, которую моя мать не знала.

– Ладно, мама, все. Я вешаю трубку.

Я тут же представила, как задрожали у нее губы от такого неуважительного к ней отношения ее единственной дочери.

– Ладно.

– Я тебе позвоню в ближайшее время.

Она фыркнула:

– Не забудь: ты обещала меня навестить.

Мой желудок ухнул куда-то вниз.

– Знаю. Но...

– Элла, ты должна съездить со мной на кладбище.

На лице женщины, которую я видела в зеркале, появилось испуганное выражение. Но я не была испугана – я не чувствовала страха. Я вообще ничего не чувствовала. И не важно, что отражалось в зеркале.

– Мама, я знаю.

– Даже не думай, что тебе удастся в этом году изловчиться...

– Пока, мама.

Я положила трубку, успев услышать ее возмущенный писк, и тут же набрала другой номер.

– Марси. Это Элли.

Марси – слава тебе господи! – не выказала никаких иных чувств, за исключением приятного удивления, когда я сказала, что принимаю ее приглашение сходить вместе куда-нибудь после работы. Именно такая реакция мне и была необходима. Выкажи она свой энтузиазм более рьяно – и я, скорее всего, еще бы подумала. Не выкажи его вовсе – могла бы передумать.

– «Синий лебедь», – уверенно сказала она, словно решительно взяла мою руку, с тем чтобы помочь перейти по качающемуся над пропастью мосту. В каком-то смысле так оно и было. – Маленький зал, но музыка замечательная, а посетители не боятся отжечь. Выпивка тоже по карману. К тому же это не лавочка для одиночек, ищущих пару.

Я была даже тронута тем, что Марси продолжает считать, что я боюсь знакомиться с мужчинами. Впрочем, ей ведь неизвестно, что за какие-то считанные дни я однажды переспала с четырьмя. Она даже не догадывалась, что меня пугает вовсе не секс.

Но все-таки ее участие заставило меня улыбнуться, и мы договорились выбраться в «Синий лебедь», в пятницу после работы. Марси не спросила, почему я передумала.

По-прежнему глядя на женское отражение в зеркале, я повесила трубку. У этой женщины был такой вид, словно она вот-вот заплачет. Мне было жаль ее, эту темноволосую женщину, которая всегда носила черно-белое. Та, которая могла бы стать хорошенькой, если бы следила за собой. Если бы не была такой умненькой. Если бы зарабатывала поменьше. Я и жалела ее,

и одновременно завидовала ей, потому что она, в отличие от меня, по крайней мере могла плакать.

Глава 2

Когда в четверг вечером я вернулась с работы, у дома меня поджидала фигура в черном. Черная толстовка, поверх выкрашенных в черный цвет волос накинута капюшон. Черные джинсы и кроссовки. Ногти, покрытые черным лаком.

– Привет, Гевин, – поздоровалась я, вставляя в замок ключ.

– Привет, мисс Каванаг. Давайте я вам помогу. – Он взял у меня сумку и вошел за мной прежде, чем я успела отказаться. Аккуратно повесил ее на крючок у двери. – Я пришел вернуть вам книгу.

Гевин мой сосед и живет слева от моего дома. Я не знакома с его матерью, хотя частенько вижу ее, когда она отправляется на работу. Несколько раз слышала разговоры на повышенных тонах, которые слышны через общую стену, и это побуждало меня делать звук телевизора потише.

– Понравилась?

Он пожал плечами и положил книгу на стол.

– Не особо. Первая была интереснее.

Я дала ему почитать «Конь и его мальчик» К.С. Льюиса.

– Большинство людей останавливаются только на «Льве, Колдунье и Платяном шкафе», Гэв. Хочешь почитать продолжение?

Гевину было пятнадцать, и он косил под такого гота, с гардеробом Джека Скелингтона,² не стеснявшегося пользоваться карандашом для глаз. В остальном – очень милый мальчик, любящий читать и как будто немного одинокий. Он возник на пороге моего дома примерно два года назад и поинтересовался, не доверю ли я ему стричь лужайку. Моя лужайка по площади с небольшую машинку модели гольф-класса, а потому его помощь была совершенно излишней. И все-таки я дала ему эту работу, так как он показался мне открытым и искренним.

Теперь он больше времени проводил за книгами, которые я ему одалживала, помогал мне сдирать обои и чистить пол песком, чем делать то, ради чего ко мне попросился, но мне он нравился. Гевин был спокойный и вежливый мальчик и уж точно гораздо жизнерадостнее, чем следует быть любому приличному готу. Он также неплохо справлялся с работой, которую я находила слишком занудной, чтобы за нее браться, вроде соскабливания со стены остатков клея для обоев в моей гостиной, отнявших у нас почти три недели, за которые можно было обставить дом.

– Ага. Я верну ее вам до понедельника.

Он зашел вслед за мной на кухню, где я выложила на стол коробку шоколадных печений.

– Не обязательно к понедельнику. Вернешь, когда прочтешь.

Гевин взял печенье.

– Могу помочь сегодня вечером со стриптиз... В смысле, со сдиранием клея.

Мы взглянули друг на друга, как только он это произнес, и я заморгала. По его лицу было видно, что он сам ошеломлен сказанным. Я отвернулась, чтобы не смутить его еще больше своим смехом.

– С обоями покончено, – сумела выдавить я из себя и при этом не засмеяться. – Мне нужно заняться грунтовкой стен. Если хочешь помочь с этим – пожалуйста.

– Легко. – В голосе Гевина послышалось облегчение.

Я вытащила из холодильника замороженную пиццу и засунула ее в духовку.

– Как твои дела? Я несколько дней тебя не видела.

---

² *Джек Скелингтон* – фантастический герой поэмы и кукольного мультфильма «Кошмар перед Рождеством» режиссера Тимона Бёртона.

– Ну... Моя мама в очередной раз собирается замуж.

Я кивнула, вытаскивая и ставя на стол тарелки и стаканы. Мы с Гевином прекрасно ладим, главным образом потому, что умеем помолчать, и это нас обоих устраивает. Он помог мне с ремонтом дома, за что я плачу ему пиццей и печеньем, книгами и своим обществом, когда его матери нет дома, что, судя по всему, явление обычное.

Я пробормотала что-то себе под нос, разливая молоко в стаканы. Гевин подошел к буфету и вытащил оттуда две салфетки. Перед тем как вернуться за стол, он помыл руки. Черный лак немного пострадал от такого обращения.

– Она говорит, что этот мужик – и есть тот единственный.

Я бросила на него взгляд, ставя на стол тертый сыр и чесночный порошок.

– Тогда остается за нее только порадоваться.

Он пожал плечами:

– Типа того.

– Вы переедете?

Он вскинул на меня расширившиеся темные глаза:

– Надеюсь, нет!

– Я тоже на это надеюсь. А то мне еще столовую красить. – Я улыбнулась ему.

Помедлив, он улыбнулся в ответ.

Мне не обязательно надо было уметь читать его мысли, чтобы понять: его что-то тревожит. Для этого не нужен был даже гений. Иногда я брала с ним менторский тон, чаще – проявляла интерес к его жизни. У нас с ним сложились почти дружеские отношения, несмотря на разницу в возрасте, хотя до того, чтобы начать делиться секретами или открывать душу, дело не дошло. Гевин был просто соседский мальчик, который помогал мне по хозяйству. Не знаю, кем я была в его глазах, но сомневаюсь, что советчицей.

Духовка просигналила, выключившись автоматически. Я поставила на стол разрезанную на кусочки пиццу, от которой шел пар. Гевин посыпал свой кусок чесночным порошком. Я взяла тертый сыр. За едой мы обсуждали последнюю прочитанную Гевинем книгу, которую я ему одолжила, и гадали, выяснится ли в следующем эпизоде полицейского шоу, которое мы оба любили, кто же убийца. Гевин помог мне загрузить посуду в посудомоечную машину и поставил в холодильник остатки пиццы. К тому времени, когда я переоделась и спустилась вниз, он уже разложил и разгладил брезент, чтобы не запачкать пол, и открыл банку грунтовок.

Мы работали несколько часов под музыку, а затем Гевин засобиравшись домой. Перед тем как попрощаться и уйти, он пробежал глазами по полкам в моей гостиной и выбрал еще одну книгу.

– А эта про что? – спросил он, держа потрепанного «Маленького принца».

– Про маленького принца из космоса. – Ответ был простой, но неполный. Любой, кто читал сказку Антуана де Сент-Экзюпери, ставшую классикой, знает, что в ней скрыто гораздо больше.

– Классно. Я ее возьму, ладно?

Я засомневалась. Эту книгу мне подарили. Но она стояла на полке уже много лет, собирая пыль, на которую я только изредка бросала взгляд.

– Да, конечно.

Тут Гевин впервые за вечер усмехнулся:

– Круто. Спасибо, мисс Каванаг!

Он ушел, а я еще немного постояла перед полкой, на которой вдруг образовалось пустое место, прежде чем принялась за уборку.

В эту ночь мне приснилась комната, полная роз. Шумно вздохнув, я распахнула глаза. В комнате было темно. Свет лампы разогнал тьму по углам моей спальни, но не смог проник-

нута в мою голову, где теснились темные мысли. Я несколько минут лежала в постели, пока не признала свое поражение и не потянулась к телефону.

– «Домик страсти».

Я не могла не улыбнуться:

– Привет, Люк.

Я никогда не встречалась с любовником брата. Они живут в Калифорнии. Между ними и моим надежным гнездышком в Пенсильвании раскинулся мир. Чад не приезжал домой. Я ненавидела летать на самолете. Вот так мы и жили.

Невзирая на это, мы с Люком не могли считаться совсем уж незнакомцами, и его ответ меня согрел.

– Как дела у моей девочки?

– Прекрасно.

Люк закашлялся в телефон, но комментировать не стал. Через несколько секунд в трубке раздался голос Чада. Брат, в отличие от Люка, был более разговорчив.

– У тебя за полночь, крошка. Что случилось?

Вообще-то Чад меня младше, но, если судить по тому, как он меня балует, об этом ни за что не догадаешься. Я уютнее устроилась в постели и посчитала трещины на потолке.

– Не могу спать.

– Невеселые сны?

– Хуже. – Я закрыла глаза.

Он вздохнул:

– Ну что с тобой? Опять мать достает, да?

Я не стала утруждаться, напоминая Чаду, что она и ему приходится матерью.

– Не больше обычного. Она хочет, чтобы я пошла с ней.

Ему не нужно было спрашивать куда. Чад с отвращением хмыкнул, а я легко представила себе выражение его лица и улыбнулась. Именно за этим я ему и звонила.

– Скажи волшебной королеве-драконихе Пы-ыхх, чтобы оставила тебя к черту в покое! Пускай сама едет куда ей к чертовой матери нужно! Пусть отвалит от тебя.

– Ты же знаешь, она не умеет водить машину, Чедди. Он разразился красочной бранью в адрес матери.

– Можно только позавидовать твоей изобретательности и пылкости, – усмехнулась я ему. – Ничего не скажешь – настоящий мастер.

– Тебе полегчало?

– Да мне никогда не бывает совсем плохо.

Чад фыркнул:

– Что еще скажешь?

Я подумала о мужчине из «Сладкого рая».

– Больше ничего.

Чад помолчал, предоставляя мне возможность добавить что-нибудь еще, но так ничего и не дождался и снова фыркнул.

– Элла, детка. Сладенький ты мой пирожочек. Ты хочешь сказать, что звонишь мне после полуночи только затем, чтобы поболтать о королеве-драконихе? У тебя что-то на уме. Ну давай уж, говори!

Я всем сердцем люблю брата, но даже его не собиралась посвящать в то, что, можно сказать, спятила от желания переспать с незнакомцем, который носит галстуки с необычным рисунком и любит черные лакричные конфеты. Есть вещи, которыми ни с кем не поделишься, пусть даже этот человек и так знает твои самые безумные фантазии, – слишком уж они личные. Я пробормотала что-то насчет работы и ремонта дома. Чад, похоже, мне не поверил, но настаивать не стал.

Наш разговор перетек от обсуждения моих плачевных дел к его работе в доме для престарелых, его планах познакомиться с семьей Люка, включая пса, которого они подумывали завести. Мой брат вел тихую, размеренную жизнь. Хорошая работа. Симпатичный домик. Партнер, который его любил и на которого Чад мог положиться. Пока он говорил, я стала расслабляться, удобнее расположилась в постели. Меня постепенно охватывал сон, дразнил мыслями, что все еще впереди.

Сон слетел мгновенно, как только я услышала шепот Чада:

– Люк поговаривает, не завести ли нам детей.

Иногда я еще могу ощущать неловкость, находясь в какой-нибудь компании, но точно знаю, что, хотя ответ «Вы что, совсем сбрендили?!» для такой новости подходит больше, чем «Ух ты, как мило!», оба они по-любому не катят.

Поэтому я ничего на это не сказала. Спросила лишь:

– Чедди, а что ты хочешь от меня?

Он вздохнул:

– Не знаю даже. Люк говорит, что из меня выйдет классный отец. А я не уверен.

Я была согласна с Люком – из Чада выйдет замечательный отец. И также знала, почему мой брат боялся об этом подумать.

– В твоём сердце море любви, братишка.

– Ну в общем-то да... Но дети... Им же кроме любви нужна еще куча всего!

– Это факт.

Мы помолчали несколько секунд, разделенные расстоянием, но близкие друг другу, так как я чувствовала то же, что и он. Наконец брат прочистил горло и, когда заговорил, его голос уже больше напоминал Чада, которого я знала.

– Мы только подумываем об этом. Я считаю, что сначала нам нужно завести собаку. Заодно посмотрим, что значит маленькое живое существо в доме и как мы с этим справимся.

Домашний питомец – это, конечно, здорово, но пока я до него не доросла.

– Все будет без сучка и задоринки, Чад. Но что бы ты в конечном счете не решил, ты знаешь, я поддержу любое твоё решение.

– Тетушка Элла, – засмеялся Чад.

– Тетя Элли, – поправила я.

– Элли так Элли, – согласился Чад. – Люблю тебя, мой сладкий зайчик.

Надеюсь, мой братишка не назовет так своего пса – иначе я ему не завидую. Но спорить не стала.

– Тоже тебя люблю, Чад. Спокойной ночи.

Я легла на подушки, утопая в них. Его новость целиком поглотила мои мысли. Ребенок? Мой брат – папочка?...

Я уснула под детский смех, звучащий у меня в голове. Все же это было лучше, чем вдыхать запах томных красных роз.

Пятница наступила раньше, чем я ее ждала. Я никогда не была в «Синем лебеде», поэтому не знала, с чем столкнусь. Ближе всего «Синий лебедь» стоял к уютной кофейне с танцевальной площадкой, нежели к танцклубу. Помещение с мягким голубым светом, сияющими с черного потолка звездами и уютными диванчиками наполнял непрерывный ритм электронной танцевальной музыки. Если бы меня попросили дать определение предлагаемому здесь ассортименту напитков, я бы сказала, что он был весьма любопытный.

Марси познакомила меня со своим новым ухажером. Его звали Уэйн. Он выглядел – да таковым и являлся – руководителем среднего звена, с подходящей для его должности прической – сотня или около того баксов – и стильным дизайнерским галстуком без всяких черепушек и скрещенных костей. Он пожал мою руку и, надо отдать ему должное, не пытался загля-

нуть мне в декольте. По крайней мере, сделал это украдкой, а не откровенно пялясь на мою грудь. Он даже купил мне первую «Маргариту».

Марси широко улыбнулась.

– Как насчет того, чтобы побеситься, Элли?

– После одной «Маргариты»? Кое-кто, в отличие от тебя, детка, знает меру. – Уэйн произнес это снисходительно, ласково привлекая ближе сидящую рядом с ним Марси, чтобы поиграть ее длинными выющимися волосами. – Можешь мне поверить, Элли: нам придется поработать носильщиками, чтобы выбраться отсюда с Марси.

Марси состроила гримасу и ушипнула его, но по ее лицу нельзя было сказать, что слова Уэйна хоть сколько-нибудь ее обидели.

– Слушай его больше, Элли.

– Я разве сказал, что возражаю? – запротестовал Уэйн. – Пей сколько в тебя влезет, детка, лишь бы это не лишило меня кайфа.

– Эй! – Марси в этот раз не слабо так его шлепнула.

Она бросила на меня извиняющийся взгляд, но я только пожала плечами. Возможно, ей не хотелось, чтобы я почувствовала себя неловко, но я-то не была шокирована. Вообще я любила выпить, но не до такой степени, чтобы превратиться в пьянчужку. Мне нравилось, как несколько порций алкоголя делают краски ярче, на время примиряют меня с миром и позволяют мне ненадолго забыть какую-либо стоящую передо мной проблему. А одна такая проблема передо мной как раз стояла.

Алкоголь заменяет некоторым людям петлю, в которую они упорно продолжают совать голову. Например, моему отцу. Я его понимаю – он ведь женат на моей матери. Этого достаточно, чтобы мечтать о загробном мире. К счастью, теперь – а ему за шестьдесят, и он уже на пенсии – отец может посвятить бутылке все свое время. Выпивка заменила ему и работу и хобби. Возможно, она также его щит. В этом я не уверена, так как мы не говорим на эту тему. Мы не единственная семья, от которой только и осталось, что название, а потому нам, как и другим семьям, нет дела до того, как там *у других*, – мы слишком заняты тем, что пытаемся худо-бедно жить и не слишком часто и подолгу сидеть в печенках друг друга.

– Значит, ты работаешь с Марси? – Уэйн в моих глазах подзаработал еще немного очков в свою копилку, проявив, как мне показалось, искренний интерес.

– Да, мы работаем в одной компании, только Марси ведет счета физических лиц, а я юридических.

Уэйн ухмыльнулся:

– Ну а я – в отделе убийц и палачей.

– Уэйн! – округлила глаза Марси. – Он хочет сказать...

– В отделе слияний и поглощений. Я поняла.

Кажется, мне удалось произвести на него впечатление.

– Ты знакома с «Американским психопатом».³

– А то. – Я отпила «Маргариты».

– Уэйн воображает себя Патриком Бейтменом, – объяснила Марси. – Но по счастью, у него нет мерзкой привычки разделять проституткок бензопилой.

– Что поделать – никто не совершенен, – обронила я, не спуская с него внимательных глаз.

Я была награждена улыбкой, а затем и его смехом.

– Слушай, Марси, мне нравится твоя подруга.

Марси посмотрела на меня:

---

³ «Американский психопат» – роман американского писателя Брета Истона Эллиса, в котором повествование ведется от лица богатого жителя Манхэттена Патрика Бейтмена, самопровозглашенного маньяка-убийцы.

– Мне тоже.

В жизни случаются моменты, когда вы разделяете с кем-нибудь чувство и оно не зависит от того, где вы находитесь или чем занимаетесь. Мы с Марси захихикали – совсем по-женски. Это не входило в список моих женских привычек, но мне неожиданно понравилось. Уэйн перевел взгляд с меня на Марси, пожал плечами и покачал головой, тем самым выражая полную свою неспособность понять этих непредсказуемых женщин.

– За убийц и палачей, – провозгласил он, поднимая бокал с пивом. – А также за все то, что материально, а значит, не важно.

Мы чокнулись, соглашаясь с его тостом, и выпили. После этого завязался разговор, хотя для того, чтобы быть услышанными, нам приходилось повышать голос, перекрикивая музыку. Я расслабилась, позволяя алкоголю и музыке постепенно снимать напряжение с моих плеч.

– Моя очередь, – запротестовала я, когда Уэйн захотел заказать нам еще выпивки.

Он поднял руки:

– Даже не подумаю спорить. Моя мать вбила мне в голову, что женщина всегда права. Поэтому вы делайте то, что считаете нужным, мисс Каванаг. Думаю, моя мужская гордость не особо пострадает, если вы проявите женскую щедрость.

– Ну оратор, – сказала Марси. – Другими словами, ты уже захмелел настолько, что тебе не придется встать и пойти к бару.

Уэйн расплылся в широчайшей улыбке, притянул ее ближе к себе и поцеловал так, что я немедленно почувствовала себя лишней.

– Ну и это тоже.

После этой маленькой, многозначительной и очень пыткой сцены мне ничего не оставалось делать, как оставить их вдвоем. Мне все равно нужно было встать и пройтись – только так я могла проверить степень своего опьянения. Вывод был такой: три года назад я от двух бокалов пьянела меньше.

Когда приблизилась к бару, возле стойки как раз освободилось место, которое я и заняла. Все внимание бармена тут же сосредоточилось на мне. Я знала, что ему приплачивают, чтобы помимо своей основной работы – смешивать коктейли – он флиртовал с девушками, но все равно его улыбка меня согрела. Я, как и многие женщины, люблю, чтобы на меня обращали внимание. Я ответила на его улыбку и заказала две бутылки пива и бутылку воды – для себя.

– Какая вода? Налей ей лучше стаканчик «Джемесона».

Я не повернулась, услышав мужской голос, преследовавший меня уже три недели. Кивнула бармену, застывшему в ожидании моего ответа. Он подвинул мне виски, не сказав при этом ни слова.

– Привет, – поздоровался мужчина из «Сладкого рая».

– Привет.

Время было позднее, и народу стало больше. Наседающая со всех сторон толпа толкнула нас ближе друг к другу. Глядя на меня сверху, он засиял улыбкой, ослепляя меня. В голубом неоновом свете его глаза показались мне темнее, чем я их запомнила.

– Приятная неожиданность – встретить тебя здесь.

Я сжала пальцами стаканчик, не поднимая его со стойки.

– Да.

Он обежал взглядом мое лицо. Его взгляд я чувствовала так, как если бы он меня коснулся. Кто-то замаячил за его спиной, продираясь к стойке, подталкивая его еще ближе ко мне. Он ухватил меня чуть выше локтя, чтобы я не пошатнулась от его веса и неожиданности. Руку он так и не убрал.

– Ты не собираешься это выпить? – Он кивнул в сторону стаканчика с виски, не отрывая от меня взгляда.

– Я уже выпила свою норму.

К бару устремлялось все больше людей. Они подталкивали нас ближе друг к другу. Его рука соскользнула с моего локтя и легла мне на талию. Если бы кто-нибудь увидел этот небрежный, привычный жест, он не усомнился бы в том, что мы давно знакомы. Он проделал это так уверенно, что у меня перехватило дыхание.

– Значит, ты приличная девочка.

Скажи мне «девочка» кто-нибудь другой, он гарантированно оценил бы, насколько сильные у меня ноги, и, возможно, хлебнул бы виски, которое я выплеснула бы ему в лицо. Но в ответ на его слова мои губы изогнулись в улыбке сами собой. Мы подались еще ближе друг к другу, притягиваемые магнитом взаимной физической привлекательности, уже без помощи толпы.

– Все зависит от того, какой смысл ты вкладываешь в слово «приличная».

Его рука переместилась мне на бедро. Большой палец заскользил по гладкой ткани моей юбки вверх-вниз.

– Ты со мной заигрываешь?

– А ты этого хочешь?

– А ты хочешь сделать то, что я хочу? – произнес он мне прямо в ухо, и мой пульс зачастил.

Наши бедра и животы уже соприкасались. Поверни я голову – и наши губы разделят всего несколько миллиметров. Его дыхание ласкало мне ухо и шею, так как волосы у меня были собраны на затылке.

– Да, – кивнула я.

– Я хочу, чтобы ты выпила это виски.

Я молча выполнила его просьбу. В животе у меня вспыхнул пожар, кровь воспламенилась. Он не изменил своего положения, только переместил руку – сейчас она лежала пониже спины. Он крепко прижимал меня к себе, хотя часть толпы уже схлынула от бара и необходимость стоять так близко друг к другу исчезла.

– Распусти волосы.

По форме – приказ, но голос выражал просьбу. Я подняла руку и расстегнула заколку. Волосы упали мне на плечи, погладив его лицо, которое все еще находилось так близко ко мне.

– Потанцуй со мной.

Он немного отстранился, чтобы видеть мои глаза. Его улыбка чуть померкла, глаза стали ярче. В них появилось желание. Руку он так и не убрал.

– Ты этого хочешь? – Мой голос выразил удивление, хотя я рассчитывала произнести это со страстной хрипотцой – знак, что я приняла правила его игры.

– Я этого хочу.

Он получил то, что хотел. На танцевальной площадке яблоку негде было упасть, и это стесняло свободу движений, но большинство находящихся на ней использовали ее не совсем по прямому назначению – у меня язык не поворачивался назвать танцем их вихляния и дерганья вверх-вниз и из стороны в сторону, пусть даже в ритме музыки.

Он взял меня за руку и потянул в центр танцпола. Сначала он привлек меня к себе, руки его легли на мою талию, в совершенстве повторяя ее изгиб, словно были выкроены по ее шаблону. Три шага – и его бедро оказалось между моих ног. Так, в три этапа, я лишилась свободы действий.

О том, чтобы поговорить, не стоило даже думать, так как перекричать оглушающую музыку значило только посадить голосовые связки. Пульсирующие звуки бас-гитары отдавались у меня где-то под ложечкой, в горле, в запястьях, между бедер. Толпа накатывала и отступала от нас, словно волны, бьющиеся о скалы. Песня изменилась, притягивая на танцпол еще больше танцующих, еще ближе обступивших нас со всех сторон.

Улыбка совсем исчезла с его лица, словно он не танцевал, а решал в уме сложную задачу. Он смотрел только на меня, как если бы мы были наедине. Его взгляд вызвал у меня дрожь.

Когда он положил одну руку мне на бок, чуть ниже груди, я вдруг испугалась, но скрыться от него не представлялось возможным – пути назад были отрезаны. Я подняла голову, встречаясь с его взглядом, и утонула в этих сине-зеленых глазах.

Мы продолжали танцевать. Моя рука переместилась с его плеча к шее, я обхватила ее сзади чуть ниже головы. Кончики его светлых, песчаного оттенка волос защекотали мне костяшки пальцев. Его горячая рука жгла меня даже сквозь блузку. В том месте, где кончик его члена упирался мне в живот, все сильнее разгоралось пламя.

Вечность прошла с тех пор, как я танцевала с мужчиной, чувствовала его руки на своем теле, видела в его глазах отражение своего желания. У меня перехватило дыхание, кончик языка облизал губы. Это движение сразу приковало его взгляд к моему рту, как любой шорох настораживает зверя.

Его рука поднялась выше по спине. Он намотал мои волосы себе на ладонь и слегка дернул вниз, запрокидывая мне голову, обнажая шею для своих ищущих губ. Думаю, я прерывисто вдохнула, почувствовав его губы на своей коже, но не была в этом уверена. Он притянул меня ближе к себе, и я уступила его прихоти.

Толпа превратилась в единый организм, повторяя чувственный ритм музыки. Еще одно существо внутри этого организма – мы. Мы были так близко друг к другу, что я затруднилась бы сказать, где кончалась я и начинался он. Когда он обхватил мою грудь, я ненадолго зажмурилась, но даже тогда перед моим мысленным взором стояло его лицо, озаренное всполохами сине-зеленого неоновых огня, сменяющимися друг друга в ритме музыки.

На нас никто не смотрел. Никто ничего не заметил. Мы стали частью чего-то большего, но не растворились в этом полностью, остались сами собой – два человека, две личности. Пара рядом с нами целовалась, они гладили, ласкали друг друга. То же самое происходило на всей танцплощадке. Я вдыхала, чувствовала этот вкус сладострастия, видела, как оно отражается в его глазах, и знала, что он видит его в моих. Одна песня сменилась другой почти без паузы, и некоторое время мелодия предыдущей еще продолжала витать в воздухе.

Под давлением окружавших нас людей нас вжало друг в друга. Пот струился у меня по спине, влажно поблескивал на его лбу. Напряжение растекалось по воздуху, в зале стало жарко, но не теплое дыхание десятков людей стало тому причиной.

Его твердый член продолжал давить мне в живот. Мои губы приоткрылись сами собой под его взглядом. Кожа на его лице натянулась, словно он боролся с охватившей его болью.

Но это была не боль. Не она превратила его рот в узкую полоску, а подбородок в гранит. Я знала это, так как в эту минуту толпа толкнула меня к нему. Его рука, сжимающая мои ягодицы, переместилась к пояснице, затем снова опустилась, подталкивая и прижимая меня к его восставшей плоти.

Я утратила связь с реальностью, утонув в его глазах, целиком отдавшись во власть чувств, которые вызывали во мне его прикосновения, не видя, не слыша ничего вокруг, оказавшись в мире, охваченном оглушительным биением музыки и наполненным похотью. Я превратилась в чистейшее желание, которое так долго отрицала, боролась с ним и все-таки, кажется, проиграла.

Я видела, как сместился его взгляд, и уловила тот момент, когда он почувствовал мое желание. Если бы при этом он самодовольно улыбнулся или тем более ухмыльнулся, я бы бежала. Он ответил на мою реакцию, слегка сузив глаза, а его лицо приобрело решительное выражение невольного восхищения. Он смотрел на меня так, словно ему стало наплевать на все, кроме меня, включая других женщин.

Его рука легла мне на бедро, опустилась ниже. Мы танцевали, а он понемногу поднимал подол юбки, чтобы добраться до потаенного местечка между бедрами. Я почувствовала на своем клиторе его пальцы, давившие на него сквозь прятанные трусики.

Толпа заставляла нас покачиваться из стороны в сторону, и мы могли просто стоять. Рука, лежавшая на моих ягодицах, продолжала прижимать меня к нему, сохраняя контакт наших тел. Толпа снова нас закачала, и в этот момент его пальцы проникли сквозь кружевной край моих трусиков и нашли за ними влажное тепло.

Его глаза чуть расширились – почти незаметно, если не смотреть на него так же близко и так же пристально, как смотрела я. Губы его приоткрылись – словно неслышный выдох или стон вырвался из его горла. Мое тело содрогнулось, когда я почувствовала его пальцы, и теперь уже стон вырвался у меня.

Если бы не окружающая нас со всех сторон толпа и не его рука, я бы упала, так как колени у меня подкосились. Его пальцы тут же устремились в глубь моего тела. Мои руки сжались, ногти вонзились в его плечо, и его взгляд метнулся туда же. Он моргнул. Я поняла, что причиняю ему боль, но ничего не могла с собой поделать. Каждое его поглаживание непроизвольно заставляло меня сильнее впиваться в его плечо.

Затем на его решительно-восхищенном лице мелькнуло озадаченное выражение, но оно быстро исчезло, сменившись пристальным вниманием ко мне, поскольку я не смогла скрыть своей реакции, вызванной круговыми движениями его пальцев вокруг набухшего узелочка. На его лице появилось... Да, наверное, это выражение можно было назвать польщенным – по крайней мере я бы так подумала, если бы в тот момент вообще могла думать, так как голова становилась пустой и легкой.

Вся моя жизнь в этот миг сосредоточилась на этом мужчине. На его руке. На его глазах. На его члене, давящем мне в бедро, – горячем, твердом, живом. Он облизнул губы, и этот жест тут же отозвался пульсирующей вспышкой в клиторе.

Он намотал мои волосы себе на руку, гладил мой затылок, не позволяя увеличить расстояние между нами. Мы танцевали, и каждое движение толкало меня на его руку, приближающую меня к оргазму.

Я несколько недель жила с этой ноющей, не отпускающей мое тело болью, раздражающей и сводящей меня с ума. Тело требовало единственного средства, способного ее облегчить. И сейчас я не могла думать ни о чем, кроме удовольствия, рождающегося между моих ног и постепенно затопляющего меня. Мои соски затвердели, и его взгляд опустился на мою грудь.

Теперь в мерцающем сине-зеленом неоновом свете, в котором колебались тени танцующих, создавая ощущение чего-то фантастического, я не могла разглядеть выражение его лица, но я знала, что он в огне, как и я.

Я вдруг усомнилась, происходит ли все это на самом деле – все случилось так внезапно и необъяснимо, – что я наконец уперлась рукой ему в грудь, отталкивая от себя. Нет, я не могла допустить, чтобы это случилось. Не могла позволить, чтобы какой-то незнакомец – пусть даже о нем я грезил дни и ночи напролет – возбудил меня на танцполе до такой степени, что я забыла обо всем. Не могла я этого сделать! Или... могла?

Я чувствовала приближение оргазма прямо среди толпы. Я собиралась кончить от его руки, как если бы мы находились здесь только вдвоем, и мне было безразлично, что это произойдет у всех на глазах. Я преодолевала ступень, отделяющую земное удовольствие от внеземного, так быстро и неумолимо, что на миг у меня даже мелькнула мысль, что я потеряю сознание от захлестывавшего меня наслаждения.

Его горячее дыхание опалило мне кожу, когда он стал осторожно покусывать мое ухо, шепча при этом слова, которых я не слышала, но откуда-то знала:

– Ну же, давай.

Меня затрясло как в лихорадке. Я закусила губу, чтобы не дать вырваться рвущемуся из горла крику. Я слышала в ушах биение своего пульса, когда это все-таки произошло. Разрывающие меня спазмы оргазма исторгали из моего горла стон за стоном.

Он крепко держал меня рукой, притягивая к себе и не отнимая от меня другой руки, пока мое тело содрогалось и билось, словно в конвульсиях. Я почувствовала его губы на своем подбородке, на шее. Он прекратил поглаживать меня пальцами и снова обхватил. Держать меня идеальнее было просто невозможно – я продолжала чувствовать его плоть, но он не причинял мне боли в месте, ставшем сверхчувствительным.

Я попыталась сделать глубокий вдох, но в первый раз мне это просто не удалось. Новая попытка – на этот раз удачно. Вдох – и я уловила не только его запах, но и ощутила произошедшие во мне изменения. Мое тело расслабилось, стало вялым, но – насыщенным. Теперь, подумалось мне, сине-зеленый неоновый свет у меня всегда будет ассоциироваться с его запахом.

Мне казалось, что все, кто нас окружал, должны догадаться о том, что произошло, но, даже если так и было, никто не показал и виду. Люди вокруг нас продолжали двигаться, покачиваться, следуя за ведущей их к собственному оргазму музыкой или, как в моем случае, ласкам партнера.

Мой партнер коснулся моего подбородка пальцем, вынуждая поднять голову, пока наши взгляды не встретились. И наклонился, чтобы меня поцеловать. В последний момент я отвернулась, и его губы мазнули меня по щеке. Пульс забился где-то в горле.

– О'кей.

Я думаю, он произнес именно это, хотя музыка все заглушала.

– Ты, урод! Глаза-то распахни – куда прешь!

– Кто это прет, придурок!

Два парня стояли друг напротив друга, их блестящие от пота лица на глазах багровели. Встав в стойку, они вскинули сжатые кулаки и закружили в танце, больше подходящем для ринга. Если мой танец закончился оргазмом, то их мог завершиться пролитой кровью, выбитыми зубами и сломанными костями.

Мой спутник взял меня за локоть и увлек за собой, подальше от готовой начаться драки. Мы прошли мимо бара и остановились в уголке. Я повертела головой и почти сразу выхватила из толпы стоявших возле бара Марси и Уэйна. Они целовались и смеялись в перерывах между поцелуями.

Тот, чьего имени я до сих пор не знала, дождался, пока я опустилась на полукруглый диванчик, и сел рядом. Биение моего сердца приближалось к норме, в ногах появилась сила, дыхание выровнялось, перестав застревать в горле. Рядом с нами возникла официантка. Я заказала шипучки с лаймом. Он – тоже.

Я не могла поднять на него глаза, хотя всего несколько минут назад не могла отвести от него взгляда. Мне стало жарко, я чувствовала, как начинают гореть мое лицо и шея, но ни температура, ни желание, обуревавшее меня мгновениями раньше, не являлись тому причиной.

В прошлом я прodelывала вещи, которые сделает не всякая уличная проститутка, но никогда на людях и уж тем более не с мужчиной, чьего имени до сих пор не знала. Те мужчины в прошлом, в обществе которых я проводила несколько часов, за которые просто физически невозможно узнать человека, оставались для меня такими же незнакомцами, как и этот, с одним но. Даже когда я представлялась им вымышленным именем, они всегда называли мне свое – пусть даже такое же вымышленное.

Он заговорил, только когда официантка принесла нам напитки и мы одновременно сделали по глотку. Мне хотелось прижать холодный стакан ко лбу, но я удержалась. Я неподвижно сидела на диванчике, обитом искусственной кожей, почти физически ощущая его руку, лежавшую в непосредственной близости от моей. Он мог коснуться меня, но не сделал этого.

– Что это? – спросил он.

Музыка приглушила, но не смогла полностью заглушить его голос. Но ему не нужно было повышать голос, чтобы я его услышала. Не нужно было приближаться ко мне, чтобы прошептать вопрос на ухо.

Я помедлила, не зная, что ответить. Он потянулся ко мне. Я тут же напряглась, подумав, что он хочет коснуться моего лица или положить руку мне на плечо. Он не сделал ни того ни другого. Он провел ладонью по моим волосам, откидывая их с плеча за спину, чтобы видеть мое лицо хотя бы в профиль.

– Как тебя зовут?

Простой, казалось, вопрос – из разряда тех, что задают в парках и на вечеринках, в общем, при первом знакомстве. Вполне уместный вопрос в баре, подобном этому, где люди, желающие найти себе пару, обмениваются не только именами, но и номерами телефонов и важной для них информацией – обычное дело, как если бы домохозяйки стали делиться рецептами фунтовых кексов, они делились рецептами любви.

– Элли.

Он ничего не сказал. Молчание затянулось настолько, чтобы заставить меня взглянуть на него. Он улыбнулся и намотал прядь моих волос на ухо.

– Дэн.

Он протянул руку. Я считала себя воспитанной, поэтому протянула ему свою. Его пальцы крепко обхватили мои и притянули меня к себе.

– Приятно с тобой познакомиться, Элли.

– Спасибо за выпивку. Я пойду.

Однако я осталась сидеть на месте. Посмотрела на него. Он – на меня.

– Что это? – спросил он тихим, но различимым голосом.

– Не знаю. – Я качнула головой. Волосы снова упали мне на плечи, частично закрывая лицо.

– Хочешь узнать? – Он придвинулся ближе.

Теперь наши бедра были прижаты друг к другу. Он по-прежнему сжимал мою руку в своей. Жар его тела прошел сквозь одежду и передался мне, однако я задрожала.

Я знала про возбуждение. Про желание. Я знала похоть. Мое ощущение не подпадало ни под одну из этих трех категорий. В нем было понемногу всего, что я знала, и все равно что-то совершенно новое. Это чувство можно было бы сравнить с ощущением Алисы, провалившейся в кроличью нору. С чувством похожим на то, которое испытываешь, стоя на краю скалы, прежде чем с нее спрыгнуть. Это чувство было всем и ничем одновременно.

– Да, – прошептала я, уверенная, что он меня не услышит. – Хочу.

Он взял мою руку и положил к себе на колени, скрытые столом. Почти не сомневаюсь, что я ахнула, как какая-нибудь девственница, хотя мой поезд уже давно ушел. Он положил мою ладонь прямо на свой возбужденный член. Ничего более откровенного Дэн не сделал. Он наклонился ко мне, держа свою руку поверх моей, лежавшей на его твердом дружке, и произнес мне в ухо:

– Я знаю тебя целую вечность. Согласна?

Я могла только кивнуть в ответ и закрыла глаза. Мои пальцы сомкнулись вокруг его плоти. Мягкая, гладкая ткань его брюк зашуршала. Я не слышала звука – но знала, что она шуршит. Я погладила его член, и Дэн вздрогнул. Он поднял другую руку, и я почувствовала его ладонь на своих волосах. Его большой палец был прижат к моей шее, как раз в том месте, где бился пульс. Его губы слегка коснулись мочки моего уха.

– Кто ты? – спросил он низким, глухим голосом, полным желания. – Ангел? Или, может, дьявол?

Я повернула голову и сказала ему в ухо:

– Я не верю ни в дьяволов, ни в ангелов.

Я гладила его член медленно, делая паузы между прикосновениями. Никто не мог видеть, где лежит моя рука и чем я занята. Он твердел под моими пальцами, становился горячим. Я провела пальцами по всей длине, дотронулась до более мягкой выпуклости у его основания.

Его ладонь сильнее вдавилась в мою шею.

– Ты похожа на богиню, когда кончаешь. Знаешь об этом?

От секса страдает красноречие, превращая мужчин в идиотов, даже краснобаев. Но в этом есть и своя прелесть: так можно приучить ухо улавливать скрытый смысл фразы, которая в других обстоятельствах вызывает у нас либо смех, либо слезы, либо заставляет нахмуриться.

– Какая же из меня богиня?

– Не богиня, не ангел, не дьявол. – Его пропитанное запахом виски дыхание коснулось моей кожи. Он дотронулся кончиком влажного языка до мочки моего уха и лизнул ее, чем вызвал у меня дрожь. – Тогда, может, привидение? Ты не можешь существовать на самом деле.

Я взяла его руку и положила себе на грудь, чтобы он почувствовал, как неровно забилося мое сердце.

– По-моему, я очень даже реальная.

Его большой палец потянулся к соску, который тут же затвердел от его прикосновения. Его ладонь накрыла мою грудь, но он не стал ее сжимать. Просто держал в своей руке и словно прислушивался к биению моего сердца.

Затем он отпустил мою грудь и убрал мою руку со своей промежности и немного откинулся назад. Его слегка растрепавшиеся волосы упали ему на лоб. Лицо его стало чуть жестким, глаза, с отражавшимся от них неоновым светом, заблестели.

Он потянулся к нагрудному карману и вытащил визитку. Положив ее на стол между нами, подтолкнул ее ко мне.

– В следующий раз, когда ты кончишь, – сказал он, – я хочу быть внутри тебя.

После этого он встал из-за стола и ушел, оставив меня одну.

Глава 3

На плотной визитке бежевого цвета четким черным шрифтом было выведено «Дэниел Стюарт». Элегантный дизайн, дорогая бумага. Ничего, что напоминало бы несерьезного парня, которого я встретила в «Сладком раю». По визитке можно узнать про человека все и ничего.

Я выждала неделю и позвонила ему.

– В следующий раз, – сказал Дэниел с такой уверенностью, словно не сомневался, что он будет.

Эта уверенность, что мы с ним еще встретимся, передалась мне, но я совсем не была удивлена, когда поняла, что хочу, чтобы мы встретились еще раз. Я хотела снова его увидеть, почувствовать его руки на своем теле, хотела испытать оргазм, чувствуя его член внутри, как он и сказал.

Осознав, что хочу, я испугалась. Теперь, когда я знала его имя, где он работает, когда у меня в руках было что-то принадлежавшее ему, мне хотелось узнать про него больше – это желание заставляло меня ворочаться в постели с боку на бок всю эту неделю.

Небольшое утешение дарила мне моя рука, мой палец, которым я круговыми движениями гладила себя, представляя его лицо и вызывая из памяти его запах. Я быстро довела себя до оргазма. Я лежала, стараясь выровнять дыхание, и все равно чувствовала неудовлетворенность, зная, что в следующий раз – как он и сказал – все будет иначе и гораздо лучше, даже если я уступлю своему желанию не сразу.

Трубку взяла его секретарша. В ее голосе мне слышалось самодовольство, любопытство, нотки ревности. В моей голове тут же пронеслись вопросы. Трахает ли он свою секретаршу? Что она про меня подумала, кем я ему довожусь: клиенткой, коллегой, сестрой, любовницей? Но она спросила лишь мое имя и ждет ли мистер Стюарт звонка и, когда я ответила утвердительно, без дальнейших вопросов соединила меня с ним.

– Элли. – Его голос был словно теплый мед, тоненьким, переливающимся на солнце ручейком стекающий в чай. – Я как раз о тебе думал.

– Правда?

Я заперла изнутри дверь своего офиса. Откинувшись на спинку кресла и закрыв глаза, я держала в руках обвитый вокруг пальцев провод древнего телефона.

– Да.

– И о чем конкретно ты думал?

– Я думал, – его голос родил в моем теле дрожь удовольствия, прокатившуюся вдоль позвоночника, – что ты не позвонишь.

Его признание вызвало на моих губах легкую улыбку. Неужели у него на этот счет могли быть сомнения?

– Ты знал, что позвоню.

– Не знал. – Я поняла по его голосу, что он улыбается. Даже представила себе приподнявшиеся в улыбке уголки его губ. – Думал даже, что ты про меня забыла.

– Нет, не забыла.

– Тогда встретимся сегодня за ланчем.

И опять, как и в случае с визиткой, мне даже не представилось возможности сыграть в томность. Это прозвучало как констатация факта.

– Да.

– Хорошо.

Он дал мне адрес ресторана и объяснил, как туда доехать. И хотя я это знала, все равно записала дрожащей рукой, отчего мой почерк показался мне чужим. Я повесила трубку, ощущая неуверенность, вызванную тем, как закончился наш разговор. В какой-то момент я поняла,

что моя рука по-прежнему что-то выводит на листе бумаги. Я опустила глаза и увидела, что неосознанно вывела несколько раз «Дэниел Стюарт».

Ресторан с претенциозным названием «Королева цветов», но с хорошей кухней был расположен почти на полпути между нашими офисами. Я взяла такси и через пятнадцать минут была на месте, до этого сказав своей секретарше, чтобы она перенесла все оставшиеся на сегодня встречи на другие дни.

– Мисс Каванаг? – улыбнулся мне метрдотель, когда я вошла через двойные стеклянные двери в небольшое фойе. – У вас назначена встреча с мистером Стюартом?

Должно быть, мне не удалось скрыть удивление, потому что он оглядел небольшой отделанный деревом зал и понизил голос, словно собирался поведать мне тщательно оберегаемый их шеф-поваром рецепт какого-нибудь особенного соуса.

– Он точно вас описал и предупредил, что вы придете, – объяснил метрдотель.

– Понятно, – кивнула я.

Невысокий худощавый мужчина с тщательно ухоженными волосами и небольшими усами просиял.

– Сюда, пожалуйста.

Я ела в этом ресторане десятки раз. Люди любили его за расслабляющую атмосферу и хороший бар. Мои коллеги также заходили сюда пообедать, так как еда была съедобной, а цены – умеренными, несмотря на интерьер с намеком на роскошь. Я увидела нескольких знакомых и с улыбкой кивала им в знак приветствия, проходя мимо.

Каждый мой шаг выражал триумф над дрожащими ногами. Имя Дэна продолжало крутиться в моей голове, пока я следовала за метрдотелем по лабиринту столов, накрытых белыми скатертями, к маленькому уголку с дверью, наполовину скрытой вышитой занавесью.

– Мистер Стюарт зарезервировал столик в нашем кабинете.

Там я его и увидела – сидящим в углу за небольшим столиком. Когда я вошла, он встал. На нем был темно-синий костюм, из-под которого виднелась светло-голубая рубашка и галстук с изображенной на нем девочкой в гавайской одежде. Он не подошел ко мне, не сделал попытки до меня дотронуться – ни неловких светских полуобъятий, ни даже рукопожатия, – и я ощутила к нему за это благодарность, к которой примешивалось разочарование.

– Привет.

Глупо чувствовать себя неловко в его обществе после того, что он проделал со мной в «Синем лебеде». Еще глупее, когда я знала, что позволю ему повторить то же самое, предприми он такую попытку. Мы смотрели друг на друга, разделенные красиво сервированным столом, пока метрдотель не прочистил горло, привлекая к себе мое внимание. Я села на отодвинутый им для меня стул. После этого мы еще несколько секунд смотрели в глаза друг друга, пока Дэн не заговорил:

– Не был уверен, что ты придешь.

Я опустила глаза и последовательно изучила каждую капельку сконденсировавшейся на стекле стакана воды и только потом подняла взгляд.

– Я решила в последний момент.

– Мне, пожалуйста, бокал мерло, – сказал Дэн, когда вошел официант. – Леди хотела бы бокал каберне. Мы оба будем стейк, салат с домашним соусом и жареную картошку.

После этого он сел на стул и посмотрел на меня, словно чего-то ожидая. Я не имела ни малейшего представления, что он от меня ждет. Я глотнула воды, прежде чем заговорила:

– Мне быть польщенной или оскорбленной тем, что ты решил за меня, что я хочу на обед?

– Я знаю, что ты хочешь, Элли. – Медленная, непринужденная улыбка возникла на его лице, коснулась его глаз.

Я невольно улыбнулась в ответ.

– Вот как? – Я знала, какую игру он затеял – сама в прошлом в нее играла. И всегда побеждала. Они так и оставались в неведении, чего же я на самом деле хотела.

Дэн кивнул. Его взгляд обрисовал мое лицо, словно он старался запомнить каждую его линию, каждую черточку. Затем, не понижая голоса и не изменив позы, он произнес, словно речь шла о погоде:

– Ты хочешь, чтобы я взял тебя у стены.

Я взглянула на него, сжав пальцами прохладные, гладкие, скользкие стенки бокала. Было бы здорово приложить пальцы ко лбу, к горлу, на котором, скорее всего, забились жилка. Может быть, осевший на подушечках пальцев холод смог бы охладить мою внезапно запыхавшую кожу. Я сглотнула, чувствуя сухость в горле.

Не было смысла отрицать очевидное, но я возразила бы, если бы услышала в его голосе хотя бы намек на насмешку или если бы он придвинулся ко мне ближе, создавая интимную атмосферу.

– После того как мы поедим, – только и сказал он, и в этот момент я поняла, что наконец нашла того, кого искала.

За обедом мы говорили, потягивая вино. Дэн расспрашивал меня о моей жизни. Он невероятно легко вытягивал из меня нужную информацию, просто проявляя вполне искренний интерес, и внимательно меня слушал, чем совершенно меня подкупил, потому я охотно рассказывала ему о себе. Он не перебивал, не давил, не осуждал. Он спросил, где я училась, где работаю, чем занимаюсь в свободное время, – и я ответила. О том, что я хочу, чтобы он еще сделал или не делал, он больше не заикнулся. Но пока это и не имело значения.

Примерно через час я настолько возбудилась, что, даже просто скрещивая ноги, вздрагивала всем телом, когда края моих трусиков чуть врезались в клитор. Соски затвердели, но, прикрытые атласом и кружевом лифчика, не выдавались сквозь блузку, но от тесного прикосновения с ней стали сверхчувствительными. Трусики намокли от влаги так, что бедра скользили, задевая друг друга. Руки начали дрожать от желания, так что я даже сжала их в кулаки, чтобы Дэн этого не заметил.

– Так, – сказал наконец он, когда официант унес посуду, оставив на столе счет. – Теперь тебе пора в дамский туалет.

Под его взглядом я словно выросла в стул.

– Да.

Дэн улыбнулся.

– А я пока расплачусь.

– Да.

– Ты меня дождешься, потому что именно этого хочешь.

Я снова сказала «да» – едва слышно из-за охрипшего голоса. Я встала из-за стола и секунду помедлила, пытаюсь понять, держат ли меня ноги. Они дрожали, и мне сначала пришлось ухватиться за спинку моего стула, чтобы обрести равновесие. После этого я положила салфетку на стол, взяла сумочку и, пройдя по короткому коридору, толкнула дверь дамской комнаты.

Я улыбнулась стоявшей там женщине. Она улыбнулась мне в ответ, хотя по выражению ее глаз я поняла, что, несмотря на все усилия, мое лицо выражает внутреннее напряжение. Она опустила глаза и стала мыть руки. В туалет мне не хотелось, поэтому я тоже помыла руки, чтобы дать Дэну время расплатиться.

Сердце мое стучало, как паровой молот, его стук отдавался у меня в ушах. Я увлажнила щеки, плеснула водой на шею, внутреннюю сторону запястий. Обхватив края раковины руками, я вгляделась в алевшее в зеркале лицо. Лицо женщины, которую совсем скоро собираются трахнуть, намеренно грубо подумала я, чтобы вернуть себе ощущение реальности. «Сей-

час он сюда войдет и трахнет тебя, Элли». Я видела, как неистово пульсирует жилка во впадинке шеи.

Я взглянула себе в глаза. Черные зрачки расширились настолько, что почти скрыли серо-голубую радужку. «Что я здесь делаю?» Я смотрела, как облизываю себе губы, увлажняя их, и представила, что это его язык пробует меня на вкус. Я не смогла удержать стон – низкий, сдавленный, но полный желаний, так что сейчас уже даже мысль о сексе рождала крик у меня в горле.

В зеркале отразилась фигура Дэна. Он остановился сзади меня, его глаза встретились в зеркале с моими. Родинка на его левой щеке теперь стала отражаться на правой, моя чуть выше левой брови стала правой. Его руки легли мне на бедра, большие пальцы безошибочно нашли две маленькие ямочки в верхней части ягодиц, скрытые юбкой.

Он молчал. Если бы он произнес хотя бы слово, я бы рванулась прочь. Он молчал. И действовал. Решительно, не колеблясь. В его глазах, отражавшихся в зеркале, появилось выражение, которое я уже видела, – смесь вождения и восхищения. Словно он был польщен тем, что встретил меня.

Без всяких сомнений он зашел со мной в последнюю кабинку, самую большую, и закрыл дверь. Теперь я стояла к нему спиной и потому не могла его видеть, но он не оставил у меня сомнений в том, что хочет. Он поднял мои руки и положил ладони на прохладную керамическую плитку. Его руки забрались мне под юбку, легли поверх чулок с эластичным верхом, а затем скользнули между ног. Почти сразу я почувствовала его пальцы, ласкающие мой клитор.

Я задрожала и прижалась лбом к стене, закрыв глаза и расставив ноги. Он заставил меня раздвинуть их шире, всунув между ними свое колено. Его палец совершал круговые движения, и я чувствовала, как еще больше увлажняются мои трусики.

Раздался тихий щелчок расстегиваемой металлической пряжки, а затем расстегиваемой пуговицы, после чего зажужжала спускаемая молния.

Он просунул пальцы под трусики и выдохнул, почувствовав мою ничем не прикрытую плоть. Поглаживая складки, он словно проверял, насколько я стала влажной – для него.

Его подбородок надавил мне на плечо. Он уткнулся ртом ниже моего уха, и я наклонила голову, подставляя шею.

Он поднял мою юбку на дюйм выше. Я почувствовала прохладу воздуха на обнаженных бедрах, когда Дэн опустил чулки и резинку трусиков ниже, и подавила рвущийся из горла стон. Его ладонь начала ласкала округлость ягодиц. Я часто-часто задышала, забывая делать выдох, пока наконец воздух не вырвался из полуоткрытых губ долгим, пресекающимся свистом.

– Ты хочешь этого.

Это не был вопрос, но его слова требовали ответа.

– Да.

Он всунул в меня палец, затем два, слегка меня расширяя, и стал двигать ими вперед-назад, имитируя движения своего члена. Я не чувствовала стыда. Я дрожала и двигалась вместе с его рукой, чтобы почувствовать его пальцы как можно глубже в себе.

– В моей сумке, – пробормотала я, думая, что он сдержится и для меня все закончится не так, как мне бы хотелось.

Он вытащил пальцы. Я вздохнула, выражая протест. Он засмеялся. Его смех оборвался коротким резким вдохом.

– Полминутки, Элли, – прошептал он мне на ухо.

Я услышала звяканье ключей, сначала хруст, а затем звук разрываемой бумаги, за которым последовал приглушенный стон Дэна, когда он надел презерватив. Он помедлил, дыша мне в шею, и меня пронзил электрический разряд желания. Он сосредоточился в клиторе,

лучами расходясь по всему телу и достигнув даже кончиков пальцев. Мне легко было представить, как я засвечусь от него в темноте, если выключить свет.

Дэн опустил мои трусики ниже колен и прижался ко мне своим членом. Поводив им между ягодицами, он надавил сильнее и направил рукой к входу в мое тело. Оказавшись внутри, он сделал толчок, входя в меня глубже.

– У-ух, – выдохнул он и сильнее надавил мне на плечо, точно препятствуя дальнейшему выражению своих чувств.

Я сдавленно вскрикнула, когда он заполнил меня всю. Я так давно в последний раз занималась этим с мужчиной, что стала как будто уже, чем раньше, но была такой влажной, что трение почти не ощущалось. Только восхитительное ощущение завершенности.

Он положил руку поверх моих запястий и опустил мне руки ниже так, что я чуть согнулась в спине. Я думала, что ему некуда глубже двигаться, но небольшое смещение его положения позволило ему добраться до нежной ткани шейки матки, и я негромко вскрикнула, почувствовав укол боли, но она не могла заглушить моего удовольствия.

– Бог мой, какая же ты жаркая, – пробормотал он. – Совсем как печка.

Он стал двигаться. Сначала медленно, удерживая меня за бедра и не позволяя двигаться моему телу. Затем ритм ускорился, стал резче. Одна его рука легла на мой клитор, прижимая его к члену одновременно с его толчками.

Дверь в туалет открылась. Дэн замер, а затем продолжил двигаться со сводящей меня с ума медлительностью, но его палец стал быстрее очерчивать окружности.

Я услышала голоса. Две женщины не прекращали свою болтовню. Я их узнала – они всегда пользовались последней кабинкой, при этом их разговор не прекращался ни на секунду. Одна из них всегда в кабинке застревала, исторгая из себя небольшой водопад.

Мне вдруг безумно захотелось рассмеяться. Мои плечи затряслись в беззвучном хохоте. Дыхание Дэна обдало мне шею – я чувствовала его молчаливое веселье. От недостатка кислорода перед моими глазами замелькали черные точки. Я вдохнула вторично после первой неудавшейся попытки, стараясь не произнести ни звука.

Я беззвучно смеялась, и смех ускорил наступление оргазма. Я извивалась всем телом, двигаясь по его члену, пока Дэн стоял почти неподвижно, чтобы не производить шума.

Не прекращая разговаривать, женщины включили воду. Если они что-то и слышали, то не обратили внимания. Возможно, нам удалось вести себя достаточно тихо, либо они были настолько захвачены перипетиями собственной жизни, что просто не обращали внимания ни на что вокруг. Мне же на это было наплевать. Как только дверь за ними закрылась, Дэн продолжил то, на чем они нас прервали, и на этот раз его толчки стали гораздо яростнее и быстрее. Одной рукой он обхватил меня за бедро – достаточно сильно, чтобы оставить на нем синяк. Он перестал меня гладить и просто удерживал. Я снова кончила, в этот раз удовольствие было чуть слабее, но все же это было удовольствие.

Его губы слегка царапали мою шею. Затем его рот переместился к моему плечу. Я услышала его приглушенный моей блузкой выкрик. Его член продолжал двигаться внутри меня. Еще один толчок – так сильно, что я ударилась головой о стену. Я почувствовала боль, но почему-то захотелось смеяться, и я рассмеялась.

Секс в реальной жизни не имеет ничего общего с тем, каким его изображают в кино. Никаких продуманных сцен и поз. Впрочем, большинство людей не любят смеяться, занимаясь сексом, так как чувствуют – здесь что-то не так. Разве секс не призван дарить удовольствие и радость?

Дэн слегка сжал мои бедра, прежде чем из меня выйти. Я нагнулась, поднимая болтавшиеся ниже колен трусики, опустила задравшуюся юбку. Послышался звук снимаемого презерватива. Дэн спрятал член в трусы, застегнул молнию на брюках. Все было сделано быстро

и расчетливо. Словно он проделывал это далеко не впервые. И хотя я по-прежнему о нем мало что знала, в этом не сомневалась.

– Я заплатил за обед, – сказал он неожиданно громко для замкнутого пространства. И вышел.

«А что ты ожидала?» – с иронией спросила я себя. Из зеркала на меня глянуло знакомое лицо. Сейчас на лице и шее этой женщины увядал румянец. Свидетельство того, что она получила то, что хотела. Я вгляделась в свои глаза, пытаюсь понять, что изменилось в их выражении, что могло бы указать на произошедшие со мной изменения, на обуревавшие меня чувства. Угрызения совести? Вина? Удовлетворение? Ничего подобного в моих глазах не наблюдалось. Ничего подобного этим чувствам я не испытывала. Единственное, о чем мне вспоминалось, так это о том, что я испытала оргазм и одновременно с этим засмеялась.

Я помыла руки, протерла влажным бумажным полотенцем лицо, поправила прическу, освежила макияж, чуть-чуть брызнула на себя духами, чтобы перебить запах секса.

Обедающие разошлись, парковка опустела. Я вышла на улицу. Послеполуденное солнце заставило меня потянуться за солнечными очками. Весенний бриз слегка взметнул подол моего плаща.

– Эй!

Я повернулась и увидела Дэна у дверей. Он кинул выкуренную сигарету на тротуар и в два шага преодолел разделявшее нас расстояние.

– Я тебя заждался. Думал, что ты никогда не выйдешь, – заметил он.

Я помедлила, прежде чем ответить:

– Не думала, что ты меня ждешь.

В его глазах что-то мелькнуло и пропало. Я не успела разглядеть это выражение.

– Нет?

Я медленно покачала головой.

– Почему ты так решила?

– Потому что обед закончился и тебе пора вернуться на работу.

В ресторан я приехала на такси, но автобусная остановка была всего в квартале от него. Я зашагала к ней. Сделала четыре шага, прежде чем Дэн со мной поравнялся.

– То есть ты решила, что я просто тебя оставил?

Я кивнула, продолжая смотреть прямо перед собой. Так и есть. Я была уверена, что он уйдет, не дождавшись меня. Пока его не увидела, я не испытывала стыда за то, что мы сделали. Стало ясно, что, приглашая меня на обед, он хотел не только быстро потрахаться, но и поговорить.

– Вот, значит, какого ты обо мне мнения. – У него была привычка облекать вопросы в ответы.

Я кинула на него взгляд.

– Я не могу знать, что ты за человек, Дэн. Знаю лишь, что ты вежлив и внимателен. Приятно это сознавать.

На его лицо легла тень. Я продолжала идти. Он сделал попытку меня остановить, взял за руку.

– Элли...

Я решительно высвободилась из его хватки, давая понять, что игры кончились.

– Большое спасибо за ланч, Дэн.

В этот раз он позволил мне сделать шесть шагов, прежде чем нагнал меня снова.

– Ты думаешь, это все, что мне от тебя было нужно? Ты этого ожидала?

Как я могла ему объяснить, когда он искренне казался оскорбленным тем, какого, как он предположил, я о нем мнения, если то, что произошло между нами, было единственное, что хотела получить? Двадцать минут забвения, чтобы прекратить о нем думать.

Он прибавил шаг, обогнал меня и, повернувшись ко мне лицом, пошел спиной вперед, чтобы видеть мое лицо.

– Элли.

– Мой автобус, – указала я на автобус, подъезжающий к остановке. Через минуту зайду в салон и вернусь на работу.

– На этом автобусе ты не поедешь.

– Ты так думаешь? Ну а у меня свое мнение на этот счет. Дэн остановился передо мной, так что пришлось его обойти, чтобы продолжить свой путь. Он грациозно повторил мое движение, словно мы танцевали. Он не улыбался. Впрочем, я тоже.

– Элли, не оставляй меня так, – предостерегающим тоном сказал он.

Мне понравилось, как он вел меня к тому, что произошло в кабинке туалета, но сейчас его голос не был мне приятен.

– Мне нужно идти.

Дэн снова обогнал и преградил мне путь. Водитель автобуса, должно быть, принял его сторону, так как не стал меня дожидаться, чем заслужил мой сердитый взгляд, которым я провозжала отъезжающую машину. Только тогда Дэн позволил мне шагнуть дальше.

– Ты должна со мной поговорить, – сказал он.

– Я тебе ничего не должна, – чуть резче возразила я.

– Но ты ведь сама этого хочешь.

Я повернулась к нему.

– Послушай, то, что я позволила тебе себя трахнуть, не значит, что у тебя появилось право мне надоедать.

– Разве я надоедаю? – нахмурился Дэн. – Я просто не хочу, чтобы после этого ты продолжала считать меня козлом.

– Я вовсе не считаю тебя козлом.

Он придвинулся ближе.

– Тогда что ты обо мне думаешь?

– Мужик, – сказала я, не особо заботясь, если вдруг его задела.

И правильно делала, так как Дэн не выглядел задетым. Он усмехнулся.

– Рад, что ты это заметила.

Я хотела на него разозлиться. Хотела его презирать. Но как и в туалете напрасно ждала угрызений стыда и чувства вины, я не могла испытывать к нему сейчас гнев и презрение.

– Послушай, мне понравился обед... – предприняла я повторную попытку.

– Мне тоже.

– И то, что случилось после него.

– Также было неплохо. Но мы забыли про десерт.

– Только давай не будем обманываться насчет того, что это было, – помедлив, ответила я. – Согласен?

– Почему нет? – серьезно спросил Дэн.

Мы поравнялись с автобусной остановкой. Я не стала останавливаться и прошла мимо. Дэн не отставал. Я прибавила шаг.

– Почему нет? – снова спросил Дэн, в этот раз чуть мягче, беря меня за локоть.

Я не отдернула руку, позволяя ему повернуть себя лицом к нему. Он положил другую руку на мой локоть, удерживая меня на месте.

– Почему? – повторил он в третий раз.

В голове у меня мелькнуло с десятков ответов на его вопрос, однако с языка сорвалось совершенно иное:

– Потому что я не из тех, кто любит обманывать самих себя.

– Сними очки. Я хочу видеть твои глаза, когда с тобой разговариваю.

Я вздохнула, помялась и все же уступила его просьбе. Он пытливо заглянул мне в глаза, словно пытался найти в них какой-то намек, подсказку, которая может привести его к спрятанным сокровищам. Его пальцы слегка впились мне в кожу.

– А что в этом такого?

Я просто стояла и смотрела на него. Рядом с тротуаром шумел проносящийся мимо транспорт. Над нами щебетали птицы, перелетая с ветки на ветку обсыпанного весенними цветами дерева.

– Просто я не принадлежу к таким людям, вот и все.

– К каким людям? – продолжал настаивать Дэн. Его голос звучал мягко, ненавязчиво. Но я не могла ему ответить. Дэн помог мне сам. – Не принадлежишь к тем, кто ходит на свидания?

– Да.

– Предпочитая, чтобы тебя трахнули в туалете? – спросил он, не сводя глаз с моего лица.

– Это было в первый раз.

Я вырвалась из его рук и снова зашагала по тротуару, уверенная, что теперь-то он за мной не последует. Я дошла до угла и затем снова увидела его рядом. Я на него даже не взглянула.

– Я хочу с тобой еще раз встретиться.

Я остановилась. Плечи у меня обмякли, когда я поняла, что мне не удастся от него отделаться, пока он не получит ответы на свои вопросы.

– Зачем тебе это нужно?

– Потому что сейчас я не видел твоего лица.

Стоило ему это произнести, как желание буквально взорвало меня изнутри. Я чуть не задохнулась. Мне удалось ничем себя не выдать – я замаскировала его, отрицательно качнув головой и нахмурившись. Дэн не стал удерживать меня за руку. Вместо этого он понизил голос и промурлыкал мое имя. Я тут же приросла к месту, словно угодив в клей.

– Потому что я еще никогда не слышал более сексуального смеха, чем твой, и мне хочется услышать его снова.

Почему добрым словам верить сложнее, чем жестоким?

Я не хотела ему верить. Мне было бы легче, если бы он говорил пустые, ничего не значащие слова. Я хотела бы уйти и больше с ним не встречаться. Я правда всего этого хотела, но почему-то сама себе не верила.

– Я не хожу на свидания, – сказала я, но даже мне мое возражение показалось неубедительным.

– А мы и не будем ходить на свидания, – усмехнулся Дэн.

– И чем же мы займемся? – спросила я, прилагая неимоверные усилия, чтобы не улыбнуться.

– На твое усмотрение. Все на твое усмотрение, Элли.

Глава 4

Все на мое усмотрение. Замечательная формулировка, за исключением одного но. Я сама не знала, чего хочу. Единственное, что осталось неизменным со дня нашего знакомства, так это то, что я не переставала думать о Дэне просто потому, что не могла о нем не думать.

Марси загородила мне путь у кофейного автомата.

– Куда ты пропала в пятницу? Ты нас просто кинула!

– У меня заболела голова. – Ложь далась мне легко. – Вы вдвоем сидели рядом со стойкой и никого, кроме друг друга, не замечали. Я решила вам не мешать и просто ушла.

Марси как будто осталась удовлетворена моим объяснением, так как стала увлеченно рассказывать о том, как они с Уэйном провели остаток вечера. О том, как пахнет его одеколон. Шампунь, которым он предпочитал мыть волосы. То, что он питал слабость к своим яичкам. Она оборвала себя в середине фразы и уставилась на меня:

– Что?

Ее последний комментарий всколыхнул во мне огонь, но я все же налила себе кофе, умудрившись его не пролить.

– Ничего.

Мне не хотелось говорить, что я ей завидую, хотя бы потому, что не была уверена, что ей завидую. Я любила в прошлом, и последствия этого чувства были катастрофическими. По крайней мере для меня.

– Что еще случилось в «Синем лебеде»? – неожиданно спросила Марси.

Я удивленно подняла брови.

– А должно было?

– Еще бы! Конечно! – Марси перебрала светлые волосы со спины на плечо. – Разумеется, должно было что-нибудь произойти, раз ты испарилась, когда пошла принести нам выпить. Скорее всего, тебя кто-нибудь умыкнул.

– Жаль тебя разочаровывать, – засмеялась я, хотя и несколько принужденно, – ничего такого не было. Увы.

Марси прищурилась, словно пытаясь понять, лгу я или нет. В любом случае больше я ничего не добавила.

Дэн не стал выжидать неделю, как я. Он просто взял и позвонил.

– Здравствуйте, мисс Каванаг. Это Дэниел Стюарт.

– Да, мистер Стюарт. Чем могу помочь?

– Мне на глаза попался отзыв на фильм, который пройдет в эти выходные в кинотеатре «Ален». Мне бы хотелось уточнить время, когда мы сможем на него пойти.

– Время? – переспросила я. Дэн позвонил, когда я мыла посуду после завтрака. Положив трубку на плечо и прижавшись к нему ухом, я закончила тереть чашку губкой и ополоснула ее.

– Ну да. Если я правильно понял, слово «свидание» в твоем лексиконе отсутствует.

– Я сказала, что я не хожу на свидания. А такое слово в моем лексиконе присутствует.

– Ясно. Значит, это я что-то перепутал.

Я почему-то представила, что Дэн ерошит себе волосы. Возможно, из одежды на нем были джинсы и рубашка поло. У него должен быть кожаный диван и большой домашний кинотеатр. Растения, за которыми ухаживает приходящая на дом экономка, поливает их и срывает высохшие листья.

Я закончила мыть посуду и включила чайник.

– Бывает, что иногда я все-таки хожу на свидания, – сообщила я.

Я опять чуть-чуть солгала. Я уж забыла, когда в последний раз ходила на свидание, так как времени с последнего свидания прошло даже больше, чем с тех пор, когда я решила отказаться от секса.

– Ты начинаешь хитрить, Элли. Так не честно.

– Жизнь вообще штука несправедливая. – Я вытерла стол и подвинула салфетницу к центру.

– Элли, ты хочешь пойти со мной в кино.

Его голос прошел по проводу, как электрический ток, передавшись мне через трубку от головы до ног. Я закрыла глаза и прислонилась к стойке кухонного гарнитура, одной рукой поддерживая другую, с телефоном у уха. Несколько секунд я думала.

– Хочу, – наконец призналась я.

– Хорошо, – сказал он, словно теперь все должно было решиться само собой. В общем-то так оно и было.

Фильм оказался непростым, с контекстом, и я не совсем его поняла, но получила удовольствие от просмотра, так как в нем было много красочных визуальных эффектов. После него мы посидели в кафешке при кинотеатре, заказав себе десерт, после чего Дэну удалось подбить меня на игру в скребл. В конце он собрал слова «влага» и «канал», благодаря которым и выиграл. Мы обменялись лимериками,⁴ и Дэн, казалось, был впечатлен тем, как много я их знаю. Мы смеялись так громко, что на нас стали оборачиваться, но мне было все равно. Он ни разу меня не коснулся, хотя я хотела и ждала этого.

После кафе он пригласил меня к себе что-нибудь выпить. Я согласилась – мне было интересно посмотреть его дом. И еще мне хотелось взглянуть на его кровать.

Он налил мне пинту пива «Гиннесс» и даже не напомнил взять кружок под бокал, хотя вся его мебель показалась мне новой. Он так просто сел рядом со мной на кожаный диванчик, словно мы встречались с ним несколько месяцев, а не провели в обществе друг друга несколько часов, и стал спрашивать у меня про кино, внимательнейшим образом выслушивая мои ответы.

Я не могу сказать, что чувствую себя как рыба в воде в любом обществе, но знаю, как общаться с клиентами, выступать на презентации, назначать встречи и вести разговор на общепринятые темы. Мне это почти не составляет труда, хотя кое-какие усилия мне все же приходится затрачивать, но вряд ли люди считают меня чуждающейся общества, иногда принимая мое молчание скорее за сдержанность, нежели неловкость. Если приводить аналогии, то я осталась девочкой, которая сидит впереди класса, готовая ответить на любой вопрос учителя. И только одно но. Как-то незаметно для себя в течение жизни я подзабыла большую часть ответов.

Вопросы Дэна не заставляли меня ломать голову в поисках ответов, к тому же он всегда был готов прийти мне на помощь, как будто поддерживал под руку, не давая упасть на тротуар, споткнись я во время ходьбы. Разговаривать с ним было легко и приятно. Он много говорил о себе, рассказывал смешные истории из школьных времен или о бурных студенческих вечеринках. Я не могла поделиться с ним подобными историями, однако любила слушать такие рассказы из жизни других людей. Возможно, кое-кто и завидовал бы тому, что был лишен всего этого, но не я. Я могла слушать такие истории спокойно, как сказку про принцессу со счастливым концом, зная, что в жизни такие концы маловероятны, а то и невозможны.

Кому доводилось бывать в обществе человека, который от восхищения чуть ли не заглядывает ему в рот, тому известно пьянящее чувство, которое при этом охватывает. Глаза Дэна не отрывались от моих губ. Он слушал меня, заставлял говорить, вытягивая из меня ответы, которые удивляли меня своей честностью. Я рассказала ему о том, где живу, где работаю, о

---

⁴ Лимерик – город в Ирландии, давший название шуточным стихотворениям из пяти строк. Оно восходит к обычаю придумывать и петь шуточные песенки на вечеринках, припевом которых была фраза «Вы приедете в Лимерик?».

моем любимом телевизионном шоу и пристрастии к шоколаду, за исключением горячих сливочных помадок.

Я рассказала ему про себя только потому, что он слушал. Неужели мне так не доставало мужского восхищения, что его хорошие манеры казались чем-то из ряда вон выходящим? Нет. Дело было исключительно в Дэне и в том, что он слушал меня, чтобы узнать обо мне, узнать меня, без разглаговольствований о себе, любимом.

Я что-то говорила, когда он неожиданно наклонился и поцеловал меня. Его прикосновение ошеломило – я не ждала поцелуя. Губы Дэна были мягкие и теплые. Я почувствовала соль от попкорна. Он поднял руку к моему лицу, и я почувствовала его сильные пальцы на своей щеке.

Я не могла ответить на его поцелуй, потому что поцелуй – это всегда что-то более интимное, личное, чем позволить овладеть своим телом. Я отстранилась, прерывая поцелуй и так и не закончив предложения.

– Нет? – спросил он, согревая мне своим дыханием ухо.

– Нет.

Он опустил руку и стал ласкать мою грудь.

– А так?

Я взглянула ему в глаза:

– Да.

Тень промелькнула в его глазах, взгляд стал напряженным. Рука поднялась выше, легла мне на шею. Пальцы стали перебирать мои волосы. Он слегка за них потянул, запрокидывая мою голову, обнажая шею.

– И это, – сказал он, прижимаясь губами к местечку, где неровно бился пульс.

Его губы слегка царапнули мне кожу, и я прерывисто выдохнула:

– Да.

Он опустился ниже, к выступающей ключице, сильнее потянул меня за волосы, и я снова выдохнула от наслаждения-боли. Он посасывал мою кожу, прихватив ее зубами, его язык очерчивал округлости. Он нашел мою грудь другой рукой и стал тереть сосок подушечкой большого пальца, пока тот не затвердел. После этого Дэн опустил руку мне между ног.

– И вот это.

– Да, – выдохнула я.

– Встань.

Я встала.

– Сними одежду.

Я подняла руки к блузке и стала расстегивать пуговицы слегка дрожащими пальцами. Порой страх и безумное желание трудноотличимы. Я распахнула блузку, позволяя ей упасть на пол, при этом проделав все совсем иначе, чем если бы была одна.

Я хотела видеть, как его глаза разгораются от желания, слышать свист воздуха сквозь сжатые зубы, когда я предстану перед ним полуобнаженной. Дэн не спускал с меня глаз, но выражение его лица было непроницаемым. Я вспыхнула, чувствуя, как на моей шее проступает румянец, ползет вверх, быстро заливая щеки. Мне тут же захотелось приложить руки к лицу, чтобы охладить горящие щеки. Вместо этого я расстегнула пуговицу и спустила молнию юбки. В тишине комнаты шорох упавшей юбки прозвучал особенно громко.

На мне было тонкое черное белье из кружев и атласа. Лифчик щедро выставял напоказ мои груди, прижимая их друг к другу, создавая почти сплошное декольте из кремовой кожи. Трусики низко сидели на бедрах и, наоборот, высоко соединяясь сзади, оставляли открытой выпуклость ягодиц. Черный атлас казался еще чернее на фоне моей бледной, почти не знающей солнца кожи.

Я стояла перед Дэном, стараясь не дрожать, хотя от переполнявшего меня желания у меня слегка дрожали пальцы и подкашивались ноги. Я не в первый раз стояла так перед мужчиной, позволяя смотреть на мое тело, оценивать его, восхищаться или видеть недостаточную округлость, выдающиеся тазовые косточки и не идеальную грудь. Я демонстрировала свое тело тем мужчинам как одежду, как некий инструмент, который будет использоваться.

Стоя перед Дэном, я чувствовала себя не просто грудью, бедрами и ногами. Он смотрел на мое тело, зная мое имя, зная, как я пью чай, как смеюсь, и это знание – то, что я позволила ему о себе узнать и чего никогда и никому не сообщала прежде, – как бы дополняло мою наготу.

– Все остальное тоженими, – сказал он чуть охрипшим голосом, выдающим его желание, и это придало мне смелости.

Я знала, что женская нагота могла лишить мужчину мозгов. Одна женщина почти ничем не отличима от другой, и вместе с тем, со сколькими бы мужчинами я ни встречалась, все они смотрели на меня так, словно впервые видели обнаженную женщину. Эта власть неотделима от наших тел, и мужчины перед ней бессильны. Все эти изгибы, округлости и скрытые места они жаждут исследовать снова и снова. Женское тело не только служит наслаждением, но и воплощает в себе загадку жизни.

Я завела руки назад, чтобы расстегнуть застёжку бюстгальтера. Движение заставило мою грудь выдаться вперед. Я смотрела, как Дэн следит за тем, как я спускаю бретельки с плеч, как падают чашечки, открывая мою грудь полностью.

Он откинулся на спинку дивана, его член отчетливо выпирал под брюками цвета хаки. Не только на моем лице рдел румянец – он также окрасил его щеки. Продолжая смотреть на меня, Дэн облизнул губы.

– Трусики.

Я засунула большие пальцы за кружево и стала медленно спускать трусики, получая удовольствие от того, с каким выражением лица следит за мной Дэн. Заведя руки назад и повернувшись к нему боком, я стянула их с ягодиц и позволила упасть на пол. Переступив через них, я наконец встала перед ним полностью обнаженной.

– Черт возьми, – пробормотал он и провел рукой по волосам. – Повернись.

Я так и сделала.

– Дотронься до себя.

Его просьба удивила меня, но руки уже потянулись ее выполнить. Я дотронулась до грудей, и мои соски мгновенно отреагировали на прикосновение, как если бы меня коснулись его руки. Я накрыла напрягшиеся соски подушечками больших пальцев, опустила руки ниже, через живот к бедрам. Одну руку положила на волосы между ног и прижала ладонь к клитору.

– Черт возьми, – снова повторил Дэн, – ты жжешь.

Румянец на моем лице стал ярче, я чувствовала, как горят мои щеки. Его грубоватый комплимент наполнил меня восторгом, вытеснив страх, который я испытывала, будучи обнаженной.

– Элли, скажи, что ты хочешь, чтобы я тебя трахнул, – попросил Дэн.

Простые слова, описывающие акт, который может быть самым разным.

– О да, – сказала я, мой голос тоже слегка охрип, – Дэн, я хочу, чтобы ты меня трахнул.

Не думаю, что когда-либо хотела этого больше. Я не забуду чувства, что испытывала, стоя перед ним обнаженной. Как он смотрел на мое тело, на меня как на нечто цельное, представление о котором сложилось благодаря тем кусочкам информации, которые я позволила ему узнать о себе.

Он тут же встал. Положив руки мне на бедра, резко притянул меня к себе, припал ртом к моей шее. Я почувствовала его поцелуй. Затем его губы переместились на мое плечо. Он чуть присел, чтобы лицо оказалось вровень с моими грудями. Его руки прошлись по моему телу, сжали ягодицы, переместились к пояснице, очертили края лопаток.

– Обними меня.

Как только мои руки обвили его, он подхватил меня пониже бедер и поднял. Это было так неожиданно, что на миг я даже растерялась. Я не маленькая куколка, а он не такой уж громила. Но это быстро перестало иметь хоть какое-либо значение. Я обхватила его ногами и всхлипнула, почувствовав ткань его оксфордской рубашки, восхитительно трущейся о мой клитор.

Он отнес меня в спальню, ногой закрыл за собой дверь, хотя я не поняла зачем. Но это было и не важно. Я лишь цеплялась за него, ожидая, когда мы доберемся до кровати. Дэн не стал меня бросать – аккуратно, я бы даже сказала – искусно, положил на постель, опустился сверху и стал осыпать меня поцелуями. Он помнил мое табу в отношении поцелуев в губы, и они так и остались нецелованными.

Мы освободили его от рубашки в две пары рук. Вышло хотя и быстрее, но вряд ли выглядело так же, как я расстегивала пуговицы своей блузки. Одна из них даже отлетела и покати-лась по полу. Еще одна никак не желала расстегиваться, пока ее просто не оторвали. У него была гладкая кожа, покрытая жесткими, вьющимися волосами. Он был хорошо тренирован физически – я чувствовала, как перекачиваются мышцы, когда он высовывал руки из рукавов. Затем я снова почувствовала его ладони на своем теле. Он проводил ими вверх-вниз, пока я нащупывала пряжку на ремне его брюк. Он стал помогать мне ее расстегивать, наши пальцы задевали друг друга. Добравшись до его обнаженной плоти, я сжала ее, и тут же его зубы впились мне в плечо.

Почувствовав его укус, я шумно выдохнула воздух и невольно сжала его член сильнее. Воздух со свистом вырвался сквозь стиснутые зубы Дэна, а затем он приглушенно выругался, сел, спустил брюки, затем трусы, лег на спину и избавился от них полностью. Теперь он был обнажен, и я жадно его разглядывала – почти так же, как несколькими минутами ранее он смотрел на меня.

Он был превосходно сложен. Возможно, у него были кое-какие недостатки, но я их не замечала, так как была ослеплена желанием.

Дэн снова прижался ко мне телом, его кожа, казалось, слилась с моей. Там, где я была мягкой, он был тверд. Где я была гладкой, его тело было шероховатым. У него были прямые углы там, где у меня изгибы. Мужчина и женщина, кусочки пазла, идеально подходящие друг к другу.

Дэн коснулся губами моего соска, и я выгнулась под ним дугой. Он провел по нему языком, словно пробуя на вкус, а затем медленно втянул в рот. Эта ласка сладкой болью отозвалась в моем лоне, вызвав сокращение мышц влагалища. Его рука скользнула между моих бедер, безошибочно найдя клитор, он стал поглаживать его, изредка ныряя в канал, чтобы увлажнить палец и смягчить трение.

Я положила руку ему на голову. Волосы у него были мягкие и достаточной длины, чтобы я могла за них ухватиться и потянуть. Вероятно, я забылась от удовольствия и потянула слишком сильно, поскольку почти сразу услышала «вау» возле своей груди.

Я чуть ослабила хватку, но волосы его не отпустила. Дэн занялся вторым соском, заново повторяя ритуал. Каждое прикосновение его губ, языка, зубов вызывало внутри меня конвульсивное сокращение мышц. Мой клитор набух от его ласк. Я чувствовала, как кровь устремляется к этому маленькому бугорку, в котором сосредоточены нервные окончания со всего тела. Я плыла в этом удовольствии, полностью ему отдаваясь, приветствуя забвение экстаза.

Его губы обследовали мои ребра. Он касался моей кожи языком, точно слизывая мой вкус. Я слышала, что Дэн что-то бормочет, но не разбирала слов, впрочем, и не особо к этому стремилась.

Его горячий член вытянулся вдоль моего бедра. Он тер его о меня, медленно работая бедрами. Я представила, как он будет проделывать то же самое, когда войдет в меня, повторяя эти движения, но уже быстрее и резче, и простонала.

– Черт! У тебя такой сексуальный голос...

Я взглянула на него, не совсем уверенная в том, смогу ли внятно произнести хотя бы слово, и велела:

– Тихо!

Дэн усмехнулся, не прекращая ласкать меня рукой, заставляя содрогаться всем телом.

– Это ты у нас молчунья.

Я тут же смутилась – всегда так реагирую на комплименты, в том, что Дэн сказал мне комплимент, я не сомневалась. Я слегка покачала головой, и мои волосы разметались на подушке.

В его глазах появилось то же странное выражение покорности. Мужчина, которому был сделан подарок, непонятно чем заслуженный, но тем не менее принятый без колебаний.

– Элли, – сказал он. – В этот раз я буду смотреть на тебя и буду внутри тебя. Ты этого хочешь?

Я кивнула, сжав его волосы:

– Да.

Он ненадолго оставил меня, потянувшись к ночному столику. Я была рада, что мне не придется настаивать или идти за своей сумочкой, которая осталась в гостиной. Я потянулась к презервативу, но Дэн покачал головой:

– Мне нужно самому это сделать.

Должно быть, он прочел в моих глазах немой вопрос, так как улыбнулся и пояснил:

– Я не хочу закончить до того, как мы начнем.

Под влиянием его откровенности мне захотелось тоже быть честной с ним, подарить ему что-нибудь настоящее, хотя ему и так уже было дано слишком много, пусть он об этом даже не подозревал, поведав ему немного о себе.

Я оперлась на локоть, чтобы понаблюдать за ним, радуясь про себя, что могу просто на него смотреть. Как и все тело, его член можно было назвать почти совершенным. Можно сказать, он был даже очень миленьким. Вроде бы ничего особенного – средней длины, обхвата и обычного цвета, но при этом все равно очень симпатичный. Дэн надел презерватив, повернулся ко мне и встретился со мной взглядом.

Он оперся на руки, чтобы не раздавить меня, накрывая своим телом. Его член ткнулся мне между ног. Я раздвинула и приподняла бедра, чтобы позволить ему войти. Дэн провел головкой члена по половым губам.

Мы оба застонали. Достигнув шейки матки, Дэн прекратил двигаться. Я держалась за его предплечья и потому почувствовала, как по его телу прошла дрожь. Он прижался к моему лбу своим лбом и на миг закрыл глаза. Затем, не отрывая от меня взгляда, начал двигаться.

Он говорил, что хочет меня трахнуть, но у этого слова – в зависимости от ситуации – может быть несколько значений. Дэн двигался во мне намеренно медленно, не спеша. Я обхватила его за голову руками, чтобы вернуть его губы к своей шее. Он уступил мне и начал осыпать ее поцелуями. Я ощутила только его влажный, словно глядящий меня, язык.

Дэн приподнял меня за бедра и наклонил, изменяя мое положение. Его мошонка билась о меня с каждым новым толчком, и это периодическое давление усиливало мое удовольствие, вызывало еще больше влаги между бедер. Эта влага способствовала восхитительному трению, не требующему дополнительной смазки, и наши тела работали как два безупречно сложенных механизма.

Кожа к коже. Член во влагалище. Все это было прекрасно. Мы оба двигались. Он отдавал, я принимала. Обхватив Дэна ногами, я толкала его член еще глубже в себя.

Дэн пробормотал мое имя, я ответила тем же. Это словно еще больше нас соединило – даже в забытии, которое дарило мне наслаждение, я не могла забыть, кто мне его дарит. И я не хотела этого. Для меня имело значение, чьи губы меня целуют, чьи руки меня гладят, чей член во мне.

Сердце, учащенно колотящееся в груди, пропустило удар.

Женский оргазм – тонкая штука и во многом зависит не только от строения тела, но и от мыслей, а значит, и настроения. И хотя я чувствовала его приближение, не смогла удержать под влиянием состояния, в которое ввергли меня мои мысли о том, что я впустила Дэна в свою жизнь.

Вряд ли он догадывался о том, что знание моего настоящего имени или даже уже того, как я пью чай, сразу все для меня усложнило в том, что касалось секса. Да, я позволила ему трахнуть себя в туалетной кабинке, но это было другое. Все-таки секс для меня – до того, как я встретила Дэна, – был делом обычным, тогда как знакомство мужчины хотя бы с некоторыми деталями и привычками моей жизни – нет. Дэн не мог об этом знать, и тем не менее он словно почувствовал смену моего настроения, заглянув мне в глаза.

– Все хорошо, – сказал он тоном, каким сделал за нас в ресторане заказ на ланч. – Все в порядке, Элли.

Дэн перекатился сначала на бок, а затем и на спину. Он положил одну руку мне на бедро, другую просунул между нашими телами и прижал большой палец к моему клитору.

– Двигайся, – прошептал он. – Устанавливай ритм, какой тебе нравится.

Сначала я слегка растерялась, хотя то, что мой оргазм от меня ускользнул, главным образом было вызвано охватившим меня страхом. Но я все-таки сделала так, как он сказал. Я задвигалась, ища тот ритм, который подошел бы мне и который вернул мне тот момент, когда я сбилась, ошеломленная своим открытием.

Дэн помогал мне, повторяя мои движения и изменяя силу толчков, когда я меняла положение. Он подстраивал движения своих бедер под меня, и, даже когда стал задыхаться, он продолжал следовать за мной.

Я запрокинула голову, чтобы почувствовать свои волосы, ласкающие мне спину до ягодиц. Мне хотелось снова забыться, снова позволить себе отдаться сладостному забвению, но, хотя наслаждение меня не оставило, я не могла вернуть то, что уже было утеряно.

– Кончи для меня, – выдохнул Дэн, помогая мне, поглаживая меня. – Я хочу это увидеть.

Мое тело содрогнулось. Я открыла глаза. Дэн смотрел на меня, и я почувствовала, что могу дать ему то, что он хочет.

На миг я словно превратилась в сжатую пружину, которая вдруг распрямилась, и я не удержалась от крика, впиваясь пальцами ему в кожу. Он замер, не прерывая контакт наших тел. Я задыхалась от охватившего меня наслаждения. Дэн начал двигаться сильнее, быстрее, обеими руками поддерживая меня за ягодицы и прижимая к себе. Он издал полужверинный рык, когда его настиг собственный экстаз, почти вровень с моим.

Мы некоторое время лежали в тишине, не касаясь друг друга. Пот охлаждал мое тело, но это было прекрасно. Я чувствовала себя прекрасно.

Впрочем, это длилось недолго, до тех пор, пока я не начала высчитывать в уме, на сколько еще могу у него задержаться, прежде чем уйти, не терзаясь никакими чувствами. Я прислушалась и различила его выровнявшееся, глубокое дыхание. Если он уснет – я просто смогу уйти.

Дэн негромко всхрапнул, но это был очень приятный звук, который меня порадовал. Я встала и, стараясь не шуметь, зашла в смежную с его спальней ванную. Воспользовавшись туалетом, я помыла руки, глядя вокруг себя. Его банное белье было пушистым и мягким на ощупь, под голубой цвет стен и ванной шторки. Я прополоскала рот его гигиенической водой, понюхала одеколон, восхитилась идеальной чистотой пола и шкафа. На краю ванной сидела резиновая уточка – похоже, какой-то его каприз. Забавляясь, я с минуту смотрела на нее.

Все еще обнаженная, я вышла из ванной и обнаружила, что Дэн не спит.

– Ты первая женщина, с которой я встречался, которая буквально по секундам рассчитала время, когда может уйти.

– В самом деле? – спросила я, стоя у порога его спальни. – Ну я, в отличие от тебя, встречалась с мужчинами, которые именно так себя и вели.

Я дошла до гостиной, где были разбросаны мои вещи, надела трусики и застегивала лифчик, когда Дэн возник в дверях.

– Почему ты не ходишь на свидания? – спросил он. На нем были трусы, на которых повторялся узор с драже, и я живо вспомнила нашу первую с ним встречу в «Сладком раю».

– Свидания все только усложняют. – Я просунула руки в рукава и застегнула пуговицы на блузке, затем натянула юбку, застегнула молнию и поправила складки.

– Как ты к этому пришла?

– Размышляя. Свидания предполагают не только физическую, но и духовную близость или хотя бы общность интересов, не говоря уже про взаимопонимание, которое приходится налаживать партнерам.

Дэн скрестил руки на груди.

– И?...

Я вздохнула:

– И у меня нет на это времени.

Дэн недоверчиво фыркнул:

– Ты хочешь сказать, что не желаешь, чтобы оно у тебя появилось.

– Можно сказать и так: от перестановки слагаемых сумма не меняется.

Сумочки почему-то нигде не было видно. Дэн смотрел, как я ее ищу, не делая попыток мне помочь.

– И все-таки ты сказала, что иногда снисходишь до свиданий.

Я на секунду отвлеклась от своего занятия, чтобы подарить ему улыбку.

– Бывает, но крайне редко и длится недолго. К тому же сходить разочек на свидание – еще не значит начать с кем-нибудь встречаться и вовсе не предполагает, что за первой встречей последуют другие.

Кажется, мне удалось его позабавить.

– Теперь я понял. А это, в свою очередь, ведет к эмоциональной катавасии.

– Близости, – поправила я и снова посмотрела в его сторону. Только тогда до меня дошло, что он меня дразнит. – В общем, к катавасии это ведет тоже, – согласилась я.

– Ну и когда в последний раз ты снизошла до свидания?

– Не считая нашего совместного ланча?

Он поднял палец.

– Совместный ланч – еще не свидание.

– Верно, – кивнула я и ответила на его вопрос, особо не задумываясь: – Четыре года, восемь месяцев, три дня.

Я обнаружила свою сумочку после последовавшего за моим ответом молчания. Проверила, на месте ли ключи от машины и деньги. Подняв голову, наткнулась на пристальный взгляд Дэна.

– А когда в последний раз у тебя был секс?

– Три года назад. Хочешь – верь, хочешь – нет.

– Ты вела подсчет с сегодняшнего дня или с момента в туалетной кабинки?

– Начиная с момента на танцевальной площадке. – Я закрыла молнию на сумочке и перекинула ремешок через плечо. – Потому что для меня это был секс.

В сущности, я уже была готова уйти. Я не могла сказать по выражению лица Дэна, был ли он шокирован, рассержен или восхищен моим ответом. Он провел рукой по своим волосам, ероша их, затем по губам.

– Спокойной ночи, Дэн.

Я положила руку на ручку его входной двери, и только тогда он произнес мне в спину:

– Ты хочешь встретиться со мной еще раз. Я знаю это.

Я обернулась.

– Еще раз или больше чем один раз? – уточнила я.

– Ты уже встретилась со мной больше чем один раз, – напомнил он.

– Ну, тогда у меня тем более есть повод сказать «нет».

Но в глубине души не хотела отказываться от того, чтобы увидеться с Дэном снова, – секс с ним был просто фантастический. Более того, мне нравилось находиться в его обществе. Но это означало, что мне лучше – спокойнее для моего душевного равновесия – с ним больше не встречаться. Поэтому я повторила:

– Я не хожу на свидания.

– Тогда я предлагаю тебе другую встречу.

– Почему? – прямо спросила я. – Ты увидел то, что хотел: был во мне, когда я испытала оргазм. Ты хочешь увидеть что-то еще?

В этот раз мне, кажется, по-настоящему удалось ввергнуть его в шоковое состояние. Оно и к лучшему, твердо сказала я себе. Надо его от себя как-нибудь отвадить.

Дэн выпрямился, бросил взгляд в сторону спальни и зашагал ко мне. Он был выше меня, поэтому мне приходилось смотреть на него снизу вверх, хотя и не запрокидывать при этом голову. Его лицо стало жестким, и, хотя мне не хотелось в этом сознаваться, я почувствовала исходящую от него опасность, после чего мне подумалось, не зашла ли я слишком далеко. Во мне вспыхнул восторг.

– Ты улыбаешься, – заметил он с тем же строгим выражением лица. – Любишь играть в игры, да, Элли?

Большинство мужчин пока еще по-прежнему полагаются на свое физическое превосходство и крепкие кулаки, чтобы, запугивая женщину, добиться от нее желаемого. Дэн выглядел рассерженным, но до меня не дотрагивался. Я также стояла не шелохнувшись. Он положил руку на косяк двери рядом со мной.

– Я не доставил тебе удовольствия, на которое ты рассчитывала?

– Дело не в этом. Ты был неплох.

Комплимент его ничуть не смягчил.

– Неплох, но все равно недостаточно хорош для следующего раунда?

– Ты не спросил, не хочу ли я с тобой трахнуться еще раз, – деловым тоном сообщила я. – Ты спросил, не хочу ли я пойти с тобой на свидание.

– Одно связано с другим, Элли.

Быстро же он соображал и при этом не выпендривался. Мне это понравилась. *Он* мне нравился.

– Если ты хочешь повторить то, что между нами только что было... – начала я.

– Ты этого хочешь? – перебил он. – Просто перепихнуться, и все? – понизил он голос.

– Нет. Иногда я люблю заниматься этим медленно. Дэн положил руку мне на бедро и потянул к себе, преодолевая мое нежелание к нему приближаться.

– Какие проблемы? – просто сказал он.

Его член снова был твердым – я чувствовала, как он уперся мне в живот. Обняв Дэна за шею, я позволила ему прижать меня к себе.

– Так ты в состоянии?

Он кивнул, сохраняя серьезное выражение лица. Его руки сжали мои ягодицы, он притянул меня ближе к своему члену, чтобы потереться им об меня.

– Как я и говорил: все, что тебе нравится.

– Предупреждаю сразу: ничего не выйдет. Знаю по опыту. Людям свойственно привыкать...

Он засмеялся:

– Буду первым, кто этого не сделает.

Я улыбнулась и провела ладонями по его шее, чувствуя тепло его кожи.

– Все так говорят. А в результате привыкают.

– И поэтому ты не ходишь на свидания.

– Да, поэтому я не хожу.

– Потому что мужчины к тебе привязываются.

– Такое бывало, да.

– А ты нет?

Я опустила руки на его плечи, поглаживая его ключицы большими пальцами.

– Один раз.

Он опустил голову и пробежал губами по моей шее.

– Но в остальных случаях ты разбивала сердца тем несчастным дурням, которые по глупости тобой увлекались.

– Мне не хочется так думать. Я старалась этого не допускать.

– Что так? Тебя не возбуждает мысль о том, сколько разбитых сердец ты оставила позади себя?

– Нет.

– Потому что ты чувствуешь свою вину.

– Да. – Мой голос превратился в свист, когда он лизнул мою кожу.

– И именно поэтому ты не ходишь на свидания.

– Разве мы это уже не выяснили? – Я взглянула на него, чуть отстранившись, чтобы видеть его лицо.

– Не переживай, Элли, – прошептал он, снова притягивая меня к себе. – Я привяжусь к тебе, но совсем чуть-чуть.

Как я могла объяснить ему, какие чувства он во мне вызывал? Даже сейчас, оглядываясь назад, я в точности помню, как все было. Его руки на моем теле. Его запах – запах мужчины, одеколона и секса. То, как изгибались уголки его губ, или то, как изменила его щетина, начавшая прорастать на его лице. Моя память сохранила его в тот момент, словно я сделала его мысленную фотографию. Момент, когда он убедил меня остаться.

Глава 5

На следующий день у меня появилось время пожалеть о своем решении. Я вышла из такси, остановившегося перед моим домом, в той же самой одежде, что была на мне вчера. Я приняла у Дэна душ, почистила зубы, ополоснула лицо, но ничто не способно распрямить складки на одежде, которые ясно выдавали, что их бесцеремонно скинули на пол, чтобы почти сразу вас могли хорошенько трахнуть.

– Здравствуйте, мисс Каванаг. – В этот раз Гевин ждал меня на ступеньках своей веранды, но, так как они находились в нескольких дюймах от веранды моего дома, разницы особой не было. – Я подумал, что, может быть, пригожусь вам сегодня в гостиной.

Сейчас мне точно было не до гостиной. Мне хотелось завалиться на постель, зарыться лицом в подушки и забыться сном. Я слабо улыбнулась Гевину, вставляя ключ в замок. Он тут же оказался позади меня.

– Еще рано, – сказала я. – Наверное, тебе есть чем заняться в это раннее по меркам выходного утро субботы?

– Не-а. – Он смотрел, как я вожусь с замком, который иногда заедает, когда на улице сыро. – Может, помочь?

– Уже все. – Нет, не все. Я чувствовала себя разбитой, а Гевина переполняла жажда деятельности. Он заглянул мне через плечо, разглядывая неуступчивый замок.

– Гевин!

Мы оба оглянулись. Миссис Ос ли вышла на веранду их дома, уперев руки в бока. Ее симпатичное лицо было искажено гримасой. Увидев меня со своим сыном, она остановилась, окинула меня взглядом с головы до ног. Я не обязана была перед ней отчитываться за свою помятую одежду или раннее возвращение, но это почему-то не мешало мне чувствовать, что я готова начать перед ней оправдываться. Из-за гримасы на лице ее улыбка вышла неискренней.

– Гевин, – начала она, и ее голоса было достаточно, чтобы у меня заныли зубы. – Оставь мисс Каванаг в покое. Тебе уже пора идти.

Гевин отступил на шаг, но остался на моей веранде.

– Я не хочу.

Ее улыбка осталась неизменной.

– Меня не волнует, что ты не хочешь. Дэннис только об этом и говорил всю неделю.

Гевин остался на месте, но словно уменьшился в размерах.

– Я ненавижу Гражданскую войну и не хочу идти в музей, посвященный Гражданской войне. Я засохну от скуки. – Он посмотрел на меня. – Кроме того, я обещал мисс Каванаг помочь покрасить столовую.

– Мисс Каванаг вполне способна сама покрасить свою столовую, – произнесла мать Гевина сквозь стиснутые зубы.

– Да, Гевин, – спокойно подтвердила я, встречаясь взглядом с миссис Осли. – Я запросто могу справиться сама. Спасибо за то, что согласился мне помочь, но лучше делать то, что говорит твоя мать. Но если хочешь, можешь помочь мне как-нибудь вечером на неделе, когда я вернусь с работы, – мне нужно будет измерить лепнину.

Гевин не стал скрывать недовольства, что-то пробормотав себе под нос и надувшись, но все же спустился на две бетонные ступеньки вниз, перешел на свои и перескочил их одним махом. Пройдя мимо матери, он не сказал ей ни слова. Она на него даже не смотрела.

Мы с ней смотрели друг на друга через узенькое пространство, разделявшее наши веранды. На вид она была ненамного старше меня, хотя у нее уже был пятнадцатилетний сын. Улыбка не сходила с ее лица, и я все-таки раздвинула губы в улыбке, которая не слишком обогнала ее в искренности.

– Желаю хорошо провести время в музее, – сказала я.

Ключ наконец повернулся в замке, и я открыла дверь.

– Непременно, как только мой жених Дэннис за нами заедет.

Ее жених меня совершенно не интересовал, но я все-таки кивнула и хотела было уже зайти к себе, когда меня остановил голос соседки:

– Гевин проводит с вами очень много времени.

Я вытащила ключ, положила его в сумочку и повернулась к ней:

– Он любит читать – я одалживаю ему книги. К тому же он замечательно помогает мне с ремонтом.

Миссис Осли посмотрела на меня.

– Я вынуждена много работать и не могу уделять ему много времени.

Я не совсем понимала, как мне следует воспринимать это предложение – как чувство вины или предупреждение мне.

– Я всегда рада вашему сыну, миссис Осли. И его помощь также неоценима.

Мать Гевина снова окинула меня взглядом сверху донизу:

– Не сомневаюсь в этом.

Я подождала немного, не последует ли за этой фразой продолжение, но она молчала. Тогда я пожелала им приятно провести время в музее и зашла к себе. Закрыв за собой дверь, я прислонилась к ней спиной. Мы с миссис Осли никогда не были добрыми соседями – так, махнем друг другу рукой, встретившись на улице, хотя и жили рядом уже пять лет. Возможно, мы могли поговорить с ней на какие-нибудь интересующие нас обеих темы. Впрочем, нельзя было утверждать и обратного – что у нас с ней просто нет общих интересов.

Но вообще-то мать Гевина меня заботила мало, поэтому я быстро выкинула ее из головы. Кровать влекла меня к себе, и я не стала тянуть время, надеясь отдохнуть несколько часов, а уж затем видно будет, чему посвятить остаток вечера.

В понедельник мне не было покоя от Марси. Она разочек на меня взглянула и взвизгнула, словно к ней приложили клеймо.

– Й-й-еccc! Ты сделала это!

Я продолжала смотреть на свое отражение в зеркале, методично пудря нос и приступая к нанесению блеска для губ.

– Что именно?

Марси принесла в дамскую комнату косметичку – косметический магазин в миниатюре – и тоже стала поправлять себе макияж. У нее были тени для век стольких цветов, что проще было сказать, какой цвет там отсутствует, если такой вообще был. Все тени образовывали комплект с карандашами для губ и глаз такого же оттенка. Кроме этого был стандартный набор румян, пудры, основы для макияжа. Она разложила на стойке для раковины свои помады, и та стала напоминать коралловый риф, изобилующий трубчатыми червями. Одну из них она протянула мне.

– Ты завела себе мужика.

Ее слова застали меня врасплох, поэтому вместо мазка у меня получилось пятно.

– Прошу прощения?

Она подняла почти идеально тонкую бровь.

– Мужика, сладкая моя. Даже не вздумай отрицать. Да ты сияешь от БСС.

Смеясь, я покачала головой.

– Что такое БСС?

– Блеск свежего секса, сладкая моя, – понизила голос Марси, памятуя о хорошей акустике туалетной комнаты. Впрочем, в следующую же секунду она выпалила:

– Ну, рассказывай! Чего тянешь?

– Так мне нечего рассказывать. – Я припудрила нос и щеки спонжем, после чего убрала пудреницу и блеск в свою крошечную, в сравнении с Марси, косметичку и засунула ее в сумочку.

– Да ладно, не скрытничай. Я же рассказала тебе про Уэйна.

Она была права. Правила женской дружбы требовали, чтобы я удовлетворила ее любопытство. В общем-то мне и самой хотелось с кем-нибудь поделиться про Дэна, а Марси, к моему сожалению, была единственным человеком, которого с натяжкой можно было назвать моей подругой.

– Его зовут Дэн Стюарт. Он адвокат. Я познакомилась с ним в «Синем лебеде».

– Так я и знала! – Похоже, Марси нисколько не обиделась, когда выяснила, что в первый раз я ей солгала.

У Марси было столько кистей самых разных форм и размеров, которые она хранила в кожаном чехле, складывающемся рулончиком. Она вытащила одну и стала ровнять помаду. Я смотрела на нее, совершенно очарованная тем, как ловко она ею работает, словно по цифрам закрашивает квадратики, из которых в конечном итоге должна получиться картинка.

– Неплохая работенка. Подумаешь! Член-то у него этой работенке соответствует?

Я закашлялась и вспыхнула, сама не зная почему, словно до этого не слышала выражений похлеще. А бывало, и сама употребляла ядерный мат.

– Нормальный.

– О-о, – сочувственно протянула Марси, промокая губы салфеткой. – Значит, маленький.

– Да нет же! Говорю ведь – нормальный.

– Нормальный? Да ладно тебе, Элли. – Марси повернулась ко мне. – Тупой? Острый? Длинный? Тонкий? Толстый? Какой еще? Короткий?

– О боже, Марси! К чему изучать его так внимательно? – Я наклонилась, чтобы помыть руки.

– А почему нет? – Марси стала складывать свой косметический арсенал.

– У него очень симпатичный пенис, – наконец сказала я. – Боевой и приятной наружности.

Марси округлила глаза.

– Ты издеваешься надо мной, да? Эта часть мужского тела самая главная.

Я открыла дверь и вышла из туалета, направляясь к своему офису. Марси не отставала. Зайдя ко мне, она без особых церемоний устроилась в кресле.

– Садись, пожалуйста, – сыронизировала я. – Выпьешь что-нибудь?

– Дай мне одну из твоих диетических содовых, – сказала Марси. – Я в курсе, что ты прячешь их в том мини-холодильнике.

Я подала ей одну банку и села за свой стол.

– Тебе нечем заняться в рабочее время?

– Кое-что имеется. – Она открыла крышку и стала пить, совсем не переживая о том, что весь ее труд по окрашиванию губ в туалете пропадает даром.

– Может, тогда имеет смысл заняться своими непосредственными обязанностями, вместо того чтобы выпытывать у меня подробности моей сексуальной жизни?

– Кто выпытывает? – ахнула Марси. – Я всего лишь интересуюсь.

Я засмеялась:

– Да, Марси, мы переспали. Это естественно для людей. Марси, наоборот, нахмурилась.

– Вот в этом-то и жалость, так как секс – это вовсе не так просто и банально, хотя и естественно. Будь это по-другому, из-за него столько бы не суетились.

Именно по этой причине я и отказалась от него в прошлом.

– В этот раз можно было подсуетиться.

– Значит, он произвел впечатление.

– Он был хорош, Марси. – Я ткнула в ее сторону карандаш. – Господи, сколько же шуму из ничего!

Марси положила руку на грудь и скорчила обиженную гримасу:

– Здравсте! Я проявляю искреннее беспокойство – и что получаю в ответ?

Я вздохнула и сдалась:

– Он пригласил меня в кино, а затем мы отправились к нему.

Я решила не упоминать про танцплощадку и туалетную кабину в ресторане. Но Марси была потрясена и этим. Она подалась вперед, ее глаза заблестели.

– Он тебе сразу сказал, какие виды на тебя имеет, приглашая тебя к себе, или зазывал взглянуть на его коллекцию банок из-под содовой?

– Думаю, мы оба думали об одном и том же, когда он меня приглашал, а я согласилась. Кроме того, я точно знаю, что банки из-под содовой его не интересуют.

– Соображает, – уважительно сказала Марси. – Потому что это полный отстой – с таким парнем сразу пропадает всякое желание.

Я рассмеялась и качнула головой.

– Буду иметь в виду.

Марси сделала несколько глотков и поставила банку на край моего стола.

– Элли, ты не будешь возражать, если я скажу, что...

– Если я скажу, что очень, это тебя остановит? – перебила я ее.

– Нет, конечно, – решительно кивнула Марси.

– Ну тогда... – Я махнула рукой, показывая, что она может продолжать.

– Думаю, хорошо, что ты выбралась из своей скорлупы.

Я была тронута ее словами.

– Спасибо тебе, Марси, – улыбнулась я.

Она снова кивнула, принимая мою благодарность, и чуть нахмурилась.

– Значит, по крайней мере еще разок ты с ним увидишься.

Моя улыбка чуть потускнела.

– Да.

– Ну что еще? – воскликнула Марси. – Твой энтузиазм просто заразителен! Он что, чавкает, когда жует?

Я пожала плечами, изучая сложенные папки дел, громоздящиеся на моем столе.

– Нет, в этом плане к нему тоже не придерешься – манеры у него приятные.

– Приятные манеры, – протянула Марси. – Что ты там еще раньше сказанула? Боевой и приятной наружности пенис? Ну ты и выражаешься. Ты меня бы больше порадовала, скажи что-нибудь попроще, типа «он веселый парень» и к тому «классно трахается».

Теперь я уже убедилась, что Марси не отстанет, пока не вытянет из меня то, что ей хотелось услышать. Я уступила ее любопытству не из-за ее упертости, с какой она пыталась выбить из меня сведения, а потому что никогда не стала бы высказывать свои мысли вслух, не начини она заваливать меня вопросами.

– Он мне нравится.

– Не понимаю. – Ее лицо выглядело озабоченным. – По-моему, это хорошо.

Я снова пожала плечами – мне бы хотелось, чтобы Дэн не вызывал у меня вообще никаких чувств. Нет чувств – нет смысла продолжать наши встречи – нет никакого риска. Может быть, это кому-то и покажется нелепым, но у меня был свой резон.

– И это не значит, что ты должна выходить за него замуж?

– Боже упаси, – выдохнула я, по-настоящему потрясенная этой мыслью. – Боже мой, нет, конечно!

Марси вскинула руки.

– Я просто так сказала. Что плохого в том, чтобы куда-нибудь выбираться, весело проводить время, переспать?

– Ничего, – согласилась я. – Просто я такими вещами не занимаюсь.

– Может, пора перевести эти вещи в категорию «своих»? Ты подумай над этим, – сказала Марси, неожиданно вставая. – Если честно, дорогуша, то тебе это точно бы не помешало.

– Спасибо за совет, – кивнула я.

– Твой сарказм не уместен, – наставительно заявила Марси. – Это просто форма защиты, чтобы не испытывать вину.

После чего Марси выплыла из моего офиса, оставив после себя аромат «Наваждения» и пузырящуюся банку содовой на моем столе.

Во время поездки домой в автобусе у меня было время подумать над словами Марси и над тем, что обещал мне Дэн. Никакой эмоциональной близости. Мне эта идея импонировала, хотя и вызвала законные опасения. Люди не могут просто переспать друг с другом. Ну невозможно это! Кого-нибудь чувства обязательно захватят, причинят боль. Люди не могут рассматривать секс отдельно от любви – иначе не было бы эйфории ни в том ни в другом случае. Секс и любовь питают друг друга. Можно спорить, что это человеческий способ образовывать пары, чтобы обеспечить продолжение вида, но факт остается фактом: чем чаще люди занимаются любовью, тем более высока вероятность того, что кто-нибудь из них влюбится.

Интересно, можно ли высчитать минимальную вероятность такого исхода? – думала я, считая, как обычно, мелькающие в окне фонари. У меня всегда выходило одно и то же число. Моя жизнь неотделима от цифр. Поэтому для меня вполне естественным был вопрос, сколько раз мое тело примет в себя Дэна, чтобы в ком-нибудь из нас оказались затронуты чувства? И смогу ли выйти из игры, если это буду я?

Мне есть с чем сравнивать: я встречалась с мужчинами и один раз даже влюбилась. Это было давно. Я была от того парня без ума. Любовь захватила меня целиком – я была больна ею. Я воображала его своим рыцарем в сияющих доспехах. Прикольная такая штука с этими сияющими доспехами, – оказывается, очень быстро тускнеют.

К тому времени, когда автобус подкатил к моей остановке, я уже определила для себя, что мне не стоит с Дэном больше встречаться. В этом просто нет смысла, так как, начавшись с удовлетворения физической потребности тела, все могло закончиться душевным разладом. Я в этом нисколько не сомневалась, поэтому решила: никаких звонков, никаких встреч. Ничего.

Пока меня не было, мать успела позвонить мне три раза и оставить сообщения. Они были такими длинными, что, скорее всего, заполнили всю ленту автоответчика. И я, не в силах заставить себя ее возненавидеть, тем более не могла заставить себя ее игнорировать. Выслушала ее тираду, а затем набрала ее номер.

– Кто? – спросила она. Ее голос показался мне старческим и сварливым. Мне даже пришлось напомнить себе, что ей нет еще шестидесяти и до немощного состояния далеко. – Элла?

– Мама, пожалуйста, Элли.

– Мы всегда тебя звали Эллой.

Затем она с места в карьер погнала своего любимого конька, и я знала, что в таком случае перебивать ее себе дороже.

– Ты меня слушаешь?

Как будто у меня был иной выбор.

– Да, мама.

Она коротко фыркнула.

– Так когда мне ждать тебя в гости?

– Я очень занята на работе, и ты прекрасно это знаешь. Я тебе уже сто раз говорила.

Я продолжала слушать ее вполуха, пока наливала воду в чайник и разогревала в микроволновке мясо. После этого поставила один прибор – тарелка, бокал, вилка – на стол, за

которым помещалось четыре человека. Впрочем, за моим столом столько людей одновременно никогда не сидело – я не любительница застолий.

– Ты должна поехать со мной на кладбище, Элла. Отец не в состоянии сесть за руль.

Вилка звякнула о тарелку.

– Мама, я тебе уже говорила. Нет.

Невероятно, но после этого в трубке наступила продолжительная тишина, прерываемая лишь ее дыханием.

– Элспет Каванаг, – наконец сказала она. – Положить розу на его могилу – это самое меньшее, что ты можешь сделать. Он был твоим братом. Или тебе нисколько не стыдно? Он был твоим братом, Элла, и любил тебя.

Чайник засвистел вместо меня, позволяя сохранить энергию. Я выключила газ дрожащей рукой и налила воды в кружку. Вода выплеснулась, кипяток обжег кожу, я зашипела от боли.

– Что случилось?

– Так, немного обожглась горячей водой.

Это известие сразу повернуло мозги матери в другом направлении, и она принялась разглагольствовать о том, что лучше всего помогает при ожогах, и что лучше, если бы рядом со мной кто-нибудь находился, вообще человек не может жить один. Тем более что, вполне очевидно, я сама не могу о себе позаботиться. Я быстро свернула разговор.

– Я знаю, кем он был, – громко сказала я в тишине комнаты.

Дэн открыл дверь со спутанными волосами и сонными глазами, которые тут же распахнулись при виде меня. На мне был черный виниловый плащ, на ногах шпильки, на губах сигнально-красная помада, глаза подкрашены черным карандашом. Я знала, кем я ему кажусь – пародией женщины-вампи, являющейся в буйных фантазиях тинейджера.

Я закрыла за собой дверь.

– Привет.

Дэн улыбнулся:

– Вот это сюрприз.

Видеть, как, глядя на тебя, возбуждается мужчина, очень приятно. На нем были фланелевые пижамные брюки, низко сидящие на бедрах. Они превратились в восхитительный шатер, когда я распахнула плащ, открывая его взору то небольшое количество одежды, что на мне было.

– Как тебе?

Он моргнул, его взгляд прошелся по мне: ноги – бедра – живот – грудь – шея – рот – и наконец остановился на глазах. Несколько секунд он смотрел на меня. Дыхание у меня пресеклось. Моя дерзкая игра – больше игра, чем дерзость. У меня мелькнула мысль, что он от меня откажется – предложит посидеть, нальет что-нибудь выпить. Но это длилось всего лишь миг, так как следующие слова, которые он произнес, были именно те, которые я рассчитывала от него услышать:

– Сними это.

Я скинула плащ на пол, оставшись в черных, до бедра чулках, черного же цвета кружевном лифчике и трусиках, пылившихся в моем гардеробе черт знает сколько лет. Вещи, таящие в себе силу, в которых я чувствовала себя богиней секса. Они не утратили своего могущества. Его взгляд заставил мои соски затвердеть.

– Встань на колени.

Я встала. Он положил руку мне на голову, нежно перебирая волосы пальцами, затем подался вперед, и я увидела прямо перед собой его выпирающий из пижамных брюк член. Я коснулась его сквозь ткань, провела по нему рукой. Его вздох удовольствия отозвался вспышкой желания между моих бедер.

– Возьми его в рот.

Эта его фраза не шокировала меня, не вызвала отвращения – я сама хотела того же. Жаждала этого. Желание избавляло меня от необходимости выбора. Я вознаградила его, молча уступив. Он снял с меня ответственность, и я задрожала от сотрясшей меня греховной радости. Сколько же свободы в том, когда нет необходимости выбирать!

Засунув пальцы под резинку его пижамных брюк, я стала спускать их вниз. Медленно, очень медленно спустила их до его щиколоток, позволив себе поласкать чувствительные ямочки сзади его колен, изучая сетчатый рисунок его кожи, волосы, бывшие темнее тех, что росли на голове, его очаровательно толстый член, подрагивающий от напряжения в ожидании моего внимания.

Есть женщины, которые считают, что вставать на колени перед мужчиной – унижительно. Что взять мужской член в рот – это отвратительно, противно, что так поступают только шлюхи, что это нужно вытерпеть, перешагнуть через это, не допуская даже мысли, что от этого можно получить удовольствие не меньшее того, которое испытывает от этого мужчина. В общем-то они правы, но тем не менее это не мешает мне им сочувствовать – они не понимают, какую власть над мужчиной приобретают, стоя перед ним на коленях. Как многого могут добиться, доставляя ему удовольствие. Я подняла голову, хотела что-то сказать, но выражение его лица меня остановило.

Дэн слегка потянул меня за волосы и произнес:

– Ты так красива. Ты это знаешь?

Я не люблю, когда меня называют красивой. Красивой может быть ваза, лошадь, дом, красивым можно назвать букет цветов. И в ту же категорию подпадают люди? Это наглая ложь.

Я слегка качнула головой.

– Ш-ш-ш.

Его пальцы ласкали мою голову, затем опустились к щеке.

– Ты хочешь, чтобы я сказал это иначе?

– Я хочу, – ответила я, прижимаясь щекой к его бедру, – чтобы ты сказал мне взять твой член в рот.

Его рука дернулась, и Дэн негромко простонал от моих слов:

– Элли...

Я улыбнулась, поцеловала его бедро, внутреннюю его часть, чувствуя на лице мягкость растущих там волос, провела губами по его яичкам, взвешивая своим ртом, чем вызвала у него еще один пресекающийся выдох.

– Скажи это.

– Я хочу, чтобы ты взяла мой член в рот.

Дюйм за дюймом я вбирала его в себя, для равновесия держась за бедра Дэна. Его хриплый стон послужил мне вознаграждением. Так же как и то, как он шептал мое имя, глядя мои волосы. Я вобрала в себя его член целиком, пока мои губы не достигли его живота, снова выпустила на волю, задержавшись на головке и немного еще его пососав. Затем, снова медленно всасывая его в себя, сконцентрировалась на том, чтобы не пропустить ни одной выпуклости и впадинки по всей его длине.

Я хотела этого. Хотела чувствовать его вкус. Слышать, как учащается его дыхание. Чувствовать, как напрягаются и подрагивают мышцы его бедер под моими ладонями, когда он двигал ими, просовывая член мне в горло почти так же, как я опрокинула тот стаканчик виски, который он купил мне в день нашей первой встречи. Я хотела этого, поскольку так больше ни о чем другом думать не могла, кроме как о члене, яйцах, бедрах, животе, столах, толчках, солоноватом вкусе скользкого семени на своем языке вместе с нарастанием его удовольствия.

– Элли, – прошептал он. – Элли, детка, остановись. Я сейчас кончу.

Я его не слушала, исторгнув из его горла еще один стон, когда провела языком по нижней стороне его члена, где кожа была такой гладкой. К языку добавилась моя рука, сомкнувшаяся возле его основания – так, чтобы в любой момент Дэн не остался бы без ощущений. Другой рукой я держала его мошонку, проводя большим пальцем по его яичкам.

Он с такой силой сделал толчок, что если бы я не держалась за него крепко, то задохнулась бы. Я почувствовала на языке вкус его семени, когда его сотряс оргазм, и он вскрикнул низким, сдавленным голосом. Я вобрала в себя все, что он исторг в меня, и еще немного подождала, после чего отодвинулась, напоследок лизнув кончик его члена.

Его глаза были вровень с моими. Он моргнул, нашел рукой мое плечо и ухватился за него, словно нуждался в опоре.

– Вау, – наконец сказал он. Его взгляд прояснился.

Я провела большим пальцем по своим губам.

– Я бы хотела глоточек воды.

– Да, конечно. – Он указал в направлении кухни.

Я прошла через гостиную, зная, что он следит за движением моих бедер.

Холодная вода из крана утолила мою жажду. Приятно было побрызгать ею щеки и шею. Когда я отвернулась от раковины, он стоял сзади.

– Спасибо за водичку, – сказала я.

– Не за что. – Он подтянул штаны, хотя они по-прежнему сидели на его бедрах достаточно низко, чтобы я могла видеть поросль паховых волос.

– Ну вот. – Миссия закончена. Мне удалось вычеркнуть из головы разговор с матерью, хотя и не забыть его окончательно. Впрочем, возможно, на это даже не стоило и рассчитывать. Спасибо и на том, что удалось хоть немного отвлечься. – Я пойду.

Он ухватил меня за руку, когда я попыталась пройти мимо.

– Ты уходишь?

Я посмотрела на его руку, затем на лицо.

– Разве я сказала иначе?

– Почему?

Я улыбнулась:

– Потому что именно за этим и приходила.

Дэн тоже улыбнулся, но в углах его губ застыла жесткость. Примерно так же он смотрел на меня в последний раз, когда я хотела уйти.

– А то, что хочу я, ты спросить не хочешь? Может быть, я еще не закончил?

Я многозначительно кивнула на его штаны.

– Я так не думаю.

Он провел рукой по моему бедру.

– С тобой не закончил.

Я склонила голову:

– Я приходила не за этим.

– Ты вообще пока ничего не получила, – заметил он, притягивая меня ближе к себе.

– Меня это не волнует. С чего бы тебе волноваться? – Я позволила ему прижать меня к себе. Его руки уже ласкали мои ягодицы, прикрытые черным кружевом.

– Элли, ты хочешь сказать, что пришла сюда просто чтобы отсосать мне и уйти?

– Именно.

Руки, поглаживающие мой зад, замерли. Он заглянул мне в глаза.

– В самом деле?

Я кивнула.

Я его удивила. Это дало мне возможность отойти от него и направиться к тому месту, где лежал мой плащ.

– Элли, подожди.

Я повернулась, уже просунув в рукав одну руку.

Он остановился рядом.

– Я не хочу, чтобы ты уходила. Побудь со мной немного.

– Мой наряд не вполне подходит для «Пачиси».⁵

Я надела плащ полностью и стала застегивать молнию.

– Ты в самом деле уходишь.

– В самом деле, Дэн.

– Нет.

Я повернулась, чтобы взглянуть на него.

– Большинство мужиков ошалели бы от счастья, если бы посреди ночи к ним заявила почти голая баба, сделала бы им потрясный минет и, ни слова не говоря, снова растворилась в ночи.

– Я не большинство.

– Тебе не понравилось? – Я скрыла свою неуверенность за кашлем и отвела взгляд. Щеки у меня запылали. Уже выйдя из роли соблазнительницы, я почувствовала себя идиоткой.

Он зашел мне за спину, положил руку на плечо и привлек к груди.

– У меня нет слов, чтобы сказать, как мне понравилось, – прошептал он мне на ухо. – Я просто не хочу, чтобы ты уходила прямо сейчас.

Я вздрогнула, почувствовав его дыхание. Когда спустя секунду его губы коснулись моей кожи, я закусила губу. Мне нравились ощущения, которые он во мне будил. И я не хотела уходить. Я хотела почувствовать его руки на своем теле.

Я никогда не позволяла тому, что было в прошлом, помешать мне испытывать удовольствие, которое могло подарить мне мое тело. Меня и так уже лишили многого, но это я отобрать у себя не позволю.

– На самом деле ты ведь не хочешь уходить, правда?

Он обхватил меня руками. Его ладони заскользили по гладкому винилу, нащупали и обхватили мои груди. Я не чувствовала ничего, кроме веса его ладоней, – испытывать более сильные ощущения мешала ткань. Однако в следующий момент он расстегнул молнию, и прохладный воздух вновь ласково коснулся моей уже повлажневшей от пота кожи, хотя я совсем недавно застегнула плащ.

Теперь его пальцы уже скользили по моей коже, и, когда единственным препятствием между его руками и грудью оставалось прозрачное кружево, уже ничто не могло помешать моим соскам затвердеть. Дэн водил ртом по моей шее, и я откинулась на него. Грудь у него была широкой, кожа, где я его касалась, теплой. Он без всякой спешки водил по моему телу руками. Когда он просунул пальцы сквозь кружевную резинку моих трусиков, мои бедра сами вжались в его тело.

– Ты так хорошо пахнешь.

Я вздохнула и повернула голову. Он целовал мою шею, совершая круговые движения пальцами одной руки между моих бедер, а пальцами другой перекачивая сосок. Я дрожала от двойственных ощущений, которые вызывали его ласки. Должно быть почувствовав это, Дэн опустил голову и мягко куснул меня за плечо. Я застонала.

– Я уже люблю этот звук, – прошептал он, целуя оставленную его зубами отметину. – У тебя самый сексуальный голос. Все, что выходит из твоего рта, звучит так, как будто этот звук подсластили.

Я моргнула и повернула голову, чтобы взглянуть на него.

---

⁵ «Пачиси» или «Двадцать пять» – американская адаптация традиционной индийской игры «Чаупар». В России в начале XX в. была известна под названием «Не сердись, дружок».

– Что?

Дэн улыбнулся:

– Так, болтал. Проверял, слушаешь ли ты.

У меня не нашлось ответа. Большинство комплиментов так и продолжают вводить меня в ступор. Я знаю свои сильные стороны. Думаю, в случае с остальными людьми дело обстоит так же. Все остальные слова либо лесть, либо неискренность.

Дэн смотрел на меня, не прекращая неторопливых ласк.

– Тебе и это не нравится?

Я накрыла его руку своей, останавливая его движения, и, несмотря на то, что хотела отстраниться от его рук, осталась стоять неподвижно.

– Тебе не надо этого делать.

– Делать что? – Он коснулся моей груди большим пальцем. – Этого?

– Нет. Говорить то, что ты недавно сказал. В этом нет необходимости.

Его лицо стало задумчивым. Он слегка меня повернул, чтобы нам было удобнее смотреть друг на друга.

– А если я хочу?

Я слегка покачала головой:

– Зачем? Я уже здесь. Совсем скоро ты получишь то, что хочешь.

Он нахмурился и отпустил меня.

– Думаешь, это единственная причина, по которой я говорю подобные слова? – осведомился он, скрестив руки на обнаженной груди.

Мы смотрели друг на друга и оба – нахмурившись. Я выпрямилась и поправила упавшую мне на плечо бретельку бюстгалтера. Под его взглядом, которым он окинул меня с головы до ног, мои щеки запылали. Уже не от похоти. Наконец его глаза снова встретились с моими.

– Элли, если тебе не нравится слышать такие слова, то я не буду говорить ничего подобного, – пообещал он. – А что касается «возьми мой член в рот»? Ты не возражаешь?

Я чуть улыбнулась:

– Не возражаю.

– То есть примерно так же, как и в случае с туалетной кабинкой, где ты позволила мне себя трахнуть, но отказалась пойти со мной на свидание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.